

Алексей АГУПОВ, ветеран МКФ
Участник экспедиционных рейсов на НИС:
«Ристна», «Невель», «Космонавт Георгий Добровольский»

ВОСПОМИНАНИЯ УЧАСТНИКА ЭКСПЕДИЦИЙ

1. Моя морская карьера. Извлечь из слабеющей памяти эпизоды бурной событиями молодости натолкнул диалог:

- Чем занимаешься?
- Читаю.
- В твои годы уже писать надо уметь.

Подумалось, почему нет? Тем более море, морская жизнь, а главное замечательные люди, с которыми посчастливилось вместе работать, разве не заслуживают этого? Не рассчитывая на большой круг читателей, думаю, что моим здравствующим коллегам будет небезынтересно погрузиться во времена нашей молодости.

Моя работа в море началась с того времени, когда ещё заканчивал срочную службу в армии. Вспоминаю о ней с ностальгией. Служить довелось в Подмоскowie, куда нас распределили по окончанию сержантской школы в Белоруссии. С этим связана едва ли не мистическая история.

Теплотехнику у нас преподавал капитан Козлов. Военный интеллигент, он никогда не повышал голос, призывая нас к порядку. В таком случае он всегда говорил:

- Вот приедет принимать экзамен подполковник Рукавишников, он с вас спросит по всей строгости. И это, по его мнению, было самым весомым аргументом.

Наконец настал тот день, когда мы воочию увидели строгого подполковника. Это был невысокий коренастый мужчина зрелого возраста в очках с большой диоптрией. На экзамене по теплотехнике за практику он ставит мне удовлетворительно. С такой оценкой моё мнение при распределении не учитывается.

После экзаменов за нами приехали "купцы". Нас построили у штаба, где как на «невольничьем рынке», мы стояли в ожидании своей судьбы. Когда из всего взвода оставалось трое, подошёл лейтенант и объявил, что двое поедут в Москву, а один в Якутск. В число тех, которые изъявили желание служить вместе, я не попал. Лейтенант забрал наши документы и ушёл в кабинет. Некоторое время спустя он пригласил нас и объяснил, что если я с моей оценкой по теплотехнике прибуду служить в Якутск, на полюс холода, то его могут не понять. Вот так с благословения подполковника Рукавишникова, дай бог ему здоровья, я и попал в стольный град. А там оставалось только постучаться в нужную дверь.

Иногда посылали нас в командировки. Помнится, во главе с нашим капитаном, мы втроём, погрузив тепло-оборудование в автобус, прибыли в солидное военное учреждение в самом центре столицы. Войдя в подъезд вместе с нашим багажом, мы погрузились в лифт, который, опустившись на несколько этажей вниз, вскоре доставил нас к месту назначения. Капитан сказал: - Приступайте - и ушёл. В полдень он вернулся и пригласил следовать за ним. Лифт поднял нас наверх и, пройдя по коридору, мы остановились перед дверью. Командир объявил, что здесь нас покормят и снова удалился.

За дверью увидели огромный зал с множеством столов. Это была столовая. Необычным было то, что все присутствующие в ней были старшими офицерами, а точнее не ниже подполковников и капитанов второго ранга. Все столы были заняты и мы не могли определиться, куда же нам идти. В замешательстве мы оставались стоять у входа.

Вдруг замечаем, как порхая между столиков, в нашу сторону устремилась официантка. И вскоре перед нами предстала молоденькая, красивая девчонка. Опрятно одетая, в белом фартучке и белой косынке на голове, с открытой улыбкой и искорками в глазах, она просто светилась весельем.

- Вам туда - произнесла красавица и указала нам на таинственный вход занавешенный гардинами. Мы обрадовались подсказке и недолго думая, буквально ввалились в указанное помещение. Оно было гораздо меньших размеров с общим столом в центре. Это напоминало скорее кают-компанию. За столом сидели более десятка человек и все они - генералы. На фоне всего этого мы выглядели как «мягкий знак после гласной». Сообразив, что наше «низшее сословие» в военной карьере не позволит нам отобедать

за этим столом, мы, пожелав присутствовавшим приятного аппетита, как будто только за этим и приходили, так же быстро покинули это помещение.

На выходе нас встречала официантка-хохотушка. Она осталась очень довольна своей выдумкой и, насмеявшись вволю, быстро организовала отдельный столик, обслужила нас по-генеральски.

Следующая моя командировка изменила мне весь дальнейший ход моей жизни, став направлением на судно, с которого началась моя морская биография. Судно находилось в Ленинградском морском порту, но базировалось в Таллине, порту своей постоянной приписки. Оно было гражданским, числилось в составе научно-экспедиционного флота Академии наук, куда я, обученный в армии редкой специальности, обязан был прибыть одетым в гражданское для пополнения гражданского технического состава научной экспедиции. Срок моей срочной службы подошёл к концу, и перспектива с переодеванием оказалась мне по вкусу. Перед отъездом старшина отвёл меня на склад гражданской одежды, о котором я и не подозревал. Этот склад не уступал солидному универмагу. Старшина, подобрав для меня серый костюм, светлую рубашку, галстук, шляпу и туфли, приказал здесь же переодеться и отправляться в распоряжение майора Смирнова.

Теплоход «Ристна». Фото – Леонида Орлова

И вот я, с виду джентльмен в шляпе, поездом прибыл в Ленинград. В порту, впервые поднимаясь по трапу на борт неизвестного мне судна, вдруг меня охватило какое-то странное ощущение, будто я на сцене, в непривычном облачении, окружённый декорациями, которыми являются стоявшие рядом корабли, и как в кино играю кем-то придуманную мне роль. Вероятно, тогда родилось желание сыграть в этом спектакле до конца. До сих пор память отчётливо хранит аромат, который почувствовал впервые на борту стоявшего в порту судна. Это смесь свежей краски и морского воздуха. И этот аромат сопровождал меня в дальнейшей жизни, включая в себя чувства долгих разлук, удивительных приключений и несказанной радости встреч.

2. Довелось услышать странную формулировку, высказанную сухим, «суконным языком» - **Океан, это агрессивная среда** и только. Не хочется соглашаться с таким определением. Думаю, что не только. Океан - он живой, он разный, с переменчивым настроением: то благодушен, часто суровый, а бывает и свирепым, чтобы держать нас в тонусе, то снова становится покладистым и даже ласковым, что уж совсем ему не свойственно.

Может и порадовать в качестве поощрения. Когда ночью, в штиль, океанское судно проходит воды, насыщенные планктоном, то мы становимся зрителями фантастического феерического шоу. Вода вокруг бортов начинает вспыхивать невероятными цветами. Зрелище - не оторвать глаз.

Нельзя не восхититься потрясающими закатами. Когда на исходе дня уставшее солнце, нежно касаясь горизонта, медленно растворяется в океане, чтобы утром возродиться заново, раскрашивая облака многообразием красок и согревая своим теплом всё живое.

Может и разыграть. Однажды, находясь в Индийском океане вблизи Африканского Рога, во время вечерней демонстрации фильма, слышим по судовой трансляции объявление: желающие могут наблюдать в океане необычное явление. Вышли на палубу. Над нами глубокое небо с яркими звёздами. Подошли к борту. Посмотрев вниз, воды не увидели. Внизу было что-то матово-белое, похожее на облако. Только оно было не на поверхности воды, а вместо неё и простиралось во все стороны, сколько можно было видеть в лунном свете. Будто на большой глубине включили гигантскую подсветку.

Все как замороженные молча стояли у борта, думая об одном - Чтобы это значило? Кто-то принёс фал и ведро. Опустив за борт, подняли содержимое на палубу. Вода как вода. Мы даже погружали в ведро руки, в надежде, что это как-то поможет объяснить происходящее. Высказывалось много предположений, но все они были малоубедительны. «Ажиотаж» вокруг непонятого явления продолжался долго. Расходиться стали далеко за полночь.

Утром, проснувшись, вышли на палубу. Было спокойно. В безоблачном небе вставало солнце. На воде, играя, переливались солнечные блики. Океан как будто

улыбался нам.

Гнетущее чувство вызывает брошенный экипажем корабль. Неухоженный, с ржавыми бортами и надстройкой, с пустыми трюмами, тяжело скрипя шпангоутами, куда-то дрейфует он, гонимый ветром и волнами, вдали от морских дорог, чтобы когда-то найти пристанище на океанском дне. Буд-то дряхлеющий зверь уходит из стаи, чтобы встретить в одиночестве свою смерть.

Почему-то возникало желание постоять на палубе этого рукотворного железного айсберга, чтобы острее ощутить бренность нашего бытия. Но всегда недоставало времени. Не случилось.

3. Рейд Лас-Пальмаса. Последний день увольнений. Все высыпали на палубу, делясь впечатлениями и прощаясь с городом. По традиции, многие бросали за борт монеты в надежде ещё вернуться. Боцман Фёдорович, проходя вдоль борта, по-хозяйски наводил порядок, выбирая снасти, оставленные забывчивыми рыбаками. Среди всех заметно выделялся наш доктор. Одет он был по-праздничному: белая сорочка, белые шорты, белые носки и только что приобретённые замшевые туфли «испанской колодки». Он стоял у борта, опершись на планшир.

Выбрали якорь, и теплоход «Ристна» самым малым ходом устремился на выход из порта.

Вдруг доктор резко отпрянул от борта. Он ошеломлённо посмотрел на свои ноги. Недоставало левой туфли. Очевидно, неосторожно поставив ногу в прорезь фальшборта и сделав неловкое движение, левый ботинок слетел с ноги и шлёпнулся в воду, немало этим огорчив хозяина. Не раздумывая долго, он снимает оставшуюся туфлю, которая теперь сиротой смотрелась на ноге и с досадой швыряет её за борт. И вот в таком безрадостном настроении направляется в свою каюту.

Поднявшись по трапу, доктор видит, навстречу ему, со стороны кормы, идёт боцман. В руке у него его, доктора, левая туфля. Приблизившись, боцман хотел спросить - Чья? Но видя доктора, обутого только в носки, молча передал свой трофей, доставшийся ему, когда он поднял подсак, в который, скользя вдоль борта, угодила злосчастная туфля. Было бы лучше, если бы он этого не сделал.

Доктор был потрясён. Он отрешённо посмотрел на боцманский подарок, задавая себе вопрос: что собственно происходит? Наверное, Нептуну приглянулась моя обувь, подумал он и выбросил за борт правый ботинок. Это, пожалуй, было самым удачным объяснением тому, что он только что, прилюдно, потерял свои новые туфли.

Назидание - Не спеши - было бы здесь весьма кстати.

4. Пришли на рейд Адена. Навстречу нам из порта, со стороны кормы, торопится катер с властями. Вахтенный по команде опускает трап. Тем временем волной подворачивает судно и с катера не заметили, что их приготовились встречать левым бортом. Подойдя к правому, они стали криками и жестами требовать, чтобы им

подали трап. Боцман, полагая, что так проще и скорее, как мог, объяснил, что нужно швартоваться к левому борту. Может ему просто не хотелось суетиться с трапом.

Катер, послушно, малым ходом, стал выполнять боцманский манёвр, ещё не ведая какой ему уготован сюрприз. И когда он стал обходить «Ристну» с носа, вдруг по громкой связи на бак раздаётся резкий, хорошо поставленный голос чифа - Отдать левый якорь! На мостике, очевидно, были в неведении о планах боцмана. Команда была исполнена чётко. Исполнительный боцман включает брашпиль, и многотонная чугунная махина якоря со страшным скрежетом срывается прямо на головы представителей порта на катере. Реакция людей была мгновенной. Все, включая рулевого, в ужасе бросились за борт. Оказавшись в воде, можно сказать не по своей воле, несчастные, в своей традиционной мусульманской одежде, прилагали немало усилий, чтобы остаться на плаву. Всё это отдалённо напоминало приводнение парашютистов, которым никак не удаётся избавиться от своих парашютов. Каким-то чудом катер избежал контакта с якорем, который вошёл в воду прямо по срезу его кормы. Имея ход, катер летучим голландцем устремился прочь от нашего столь негостеприимного судна и, пройдя несколько кабельтов, уткнулся в каменистый берег.

Тем временем была объявлена тревога - Человек за бортом, спущена шлюпка и всех пострадавших благополучно подняли на борт. Встреча получилась не столь радушной как хотелось. Мастеру пришлось блеснуть своими дипломатическими способностями, чтобы сгладить опасное недоразумение. Думается, что представительский фонд капитана также понёс невосполнимые потери. А наш инициативный боцман едва не угодил в список международных террористов. Эту историю можно назвать трагикомичной, но вся последовательность событий проходила на такой тонкой грани, за которой в этом словосочетании слово комично стало бы неуместным.

5. В Момбасе, восточный берег экваториальной Африки, Кения, увольнение проходило как обычно. Не имея каких-то определённых целей, мы неторопливо бродили по городу. После шаткой палубы всегда было удовольствием походить по твёрдой матушке-земле. Увольнением в африканских портах никогда не пренебрегали, даже в сезон дождей. В таких случаях, при высокой температуре и обилии осадков, чувствуешь себя как на пляже, таковым становится сам город. Да и форма одежды: майка, шорты и шлёпанцы вполне этому соответствовали. В африканских портах покупки советских моряков осуществлялись в основном на сувенирных базарах, каковых там великое множество. В этот раз мне приглянулась маска из красного дерева - традиционный сувенир из Африки. Чтобы не обременять себя, решил приобрести её на обратном пути к судну. Поделился своим намерением с приятелями. Неожиданно получаю предложение от Сергея Михайловича. Сделав к тому времени уже множество рейсов, он был очень азартен

по части торговли. Узнав, что я выделил на покупку двадцать пять шиллингов, предлагает отдать деньги ему, а он покажет мастер - класс в таком деле. А на сэкономленные шиллинги угостит нас пивом. С учётом мнения и авторитета опытного моряка не мог не согласиться, немало пожалев об этом позже. С нашим появлением на рынке базар сразу оживился. Воодушевлённые прибытием иностранных покупателей, продавцы стали наперебой предлагать свои товары. Объяснив Сергею Михайловичу, где лежит избранная мной вещь, остался поодаль наблюдать за происходящим. Сергей Михайлович начал прицениваться к африканским сувенирам издавек, указывая то на одно, то на другое изделие. Наконец подошёл к указанной мной деревянной маске, попросил назвать сумму. Продавцом маски оказался высокий, молодой, мускулистый негр, знающий своё дело. Предвидя, что диалог вряд ли получится, он предложил перейти на язык цифр и жестов. Подойдя к покупателю, достал ручку и, не тратя время на поиски бумаги, прямо на руке у локтя написал цифру сто сорок. Покупатель молча сделал попытку уйти, зная, что его остановят. Продавец схватил его за руку и, передав ручку, предложил написать свою цену. Вскоре рядом с цифрой сто сорок вызывающе нагло была написана цифра пятнадцать. Это произвело такое впечатление, будто продавца ударило током. Он закатил глаза, потом стал энергично размахивать руками, затем обхватил голову и несколько раз присел. Наконец отчаянный припадок закончился. Продавец успокоился и приветливо подморгнул, давая этим понять, что до этого времени оба шутили. Затем, указав на себя, поднял руку на уровень подбородка и стал опускать её вниз, обозначив этим жестом, что снизит цену. Потом, ткнув пальцем в грудь своего визави, стал поднимать руку вверх, призывая чтобы тот, в свою очередь, её поднял.

Зачеркнув сто сорок, рядом написал восемьдесят и передал ручку. Сергей Михайлович, зачеркнув пятнадцать, бодро начертил шестнадцать. Абориген тут же исполнил свой ритуальный танец с элементами лезгинки и гопака. Успокоившись, он покрутил пальцем у виска и долго молча смотрел в глаза несговорчивому покупателю, всем своим видом, показывая, как он оскорблён. В то же время, давая понять покупателю, как он великодушен и сейчас будет написана его последняя уступка, он снисходительно вывел шестьдесят. Покупатель предсказуемо написал семнадцать. И всё повторилось. Петушиные бои продолжились. В конце-концов, компромисс был достигнут. Остановились на двадцати пяти. Эту цифру пришлось писать на ладони, так как локоть продавца был полностью исписан. Авторитет Сергея Михайловича слегка пошатнулся. Пива выпить не довелось, но повеселил нас Сергей Михайлович от души. Жаль, что под рукой не было видеокамеры.

6. Знакомство с рипом - отбойным течением, состоялось в порту Ломе, республика Того, атлантическое побережье Центральной Африки, куда мы пришли на несколько дней, чтобы пополнить запасы пресной воды, топлива,

продовольствия, постирать бельё.

Началось увольнение групп в город. В городе, как в предбаннике - жара и высокая влажность. Ближе к полудню решили искупаться. Благо до океанского берега было недалеко. Он представлял собой извилистую отлогую косу золотистого песка, уходящую куда-то за горизонт, обрамляя океан. Нам показалось странным, что было совершенно безлюдно.

В воду вошёл первым. Нырнув под набежавшую волну, вскоре оказался во власти целого океана и, перевернувшись на спину, закрыв глаза, полностью ему доверился, чего делать не стоило. Убаюканный шелестом тёплых волн, какое-то время безмятежно нежился, ничего не подозревая. Неожиданно открыв глаза, замечаю, что берег как-то заметно отдалился, хотя я не пытался уплыть от него.

Это заставило насторожиться. Начинаю грести. Получается не очень. Делаю это энергичнее, но результат менее чем скромный. Вот уже плыву, как только могу. И когда остаётся преодолеть последний гребень, он вдруг дыбится передо мной и, облизав берег, увлекает меня назад за собой. Оказываюсь почти там же откуда начал купание. Отдышавшись, делаю вторую попытку. Результат тот же. Чувствую себя как муха на липкой ленте.

Ломе, республика Того. Опасный "пляж" с отбойным течением.

Фото – Александра Семячкина

Лёгкая паника. Начинаю понимать, что таким образом не выбраться. Решаю, приблизившись как можно ближе к берегу, нырнуть и зацепившись за дно, переждать, когда схлынет волна. Из последних сил подгребаю как можно ближе и глубоко вдохнув, ныряю. Погружаясь всё глубже, вдруг молнией в голове блеснула мысль - глубину-то не знаю. Мне же отсюда не выбраться. И ровно в этот момент уткнулся в песчаное дно. Зарываясь в песок как краб, чувствую, что вода меня тянет назад, стараясь оторвать от дна. И как только усилие стало слабеть, оттолкнувшись, стал подниматься наверх. Это я уже делал скорее рефлекторно. Изрядно наглотавшись солёной воды, вынырнул очень уставшим, захлёбываясь кашлем. Сил совсем не осталось. И тут, набежавшая волна подхватила меня, и словно наигравшись, как надоевшую игрушку выбросила на берег, подарив мне второй день рождения.

Лёжа без движения на песке, глядел на небо совершенно опустошённым взглядом, рассуждал: твердь подо мною, небо над головой, как хорошо жить. Члены группы подбежали ко мне, робко сказав: - Алексей, ты нас не пугай, здесь купаться нельзя, - кивком головы подтвердил им ошибку из приобретённого опыта. В оставшееся время увольнения походил с коллегами по берегу, ничем не интересуясь, и странная улыбка не сходила с моего лица. Понимая моё состояние, товарищи не задавали мне вопросов.

Как поступать оказавшемуся в такой ситуации? Нужно позволить течению унести себя метров на сто - сто с лишним и почувствовав, что оно слабеет, проплыть в сторону несколько десятков метров, вернуться параллельным курсом. И если не встретить ядовитую медузу, акулу или барракуду, всё разрешится само собой. Теперь и я знаю об этом.

7. Погода на экспедиционном судне в рейсе мало кого интересует до той поры, пока по громкой связи не прозвучит команда: - **Крепить по - штормовому!**

Это сразу всё меняет. Впереди шторм. Это когда вода рождает горы. Когда мы становимся свидетелями извечной эпической схватки двух стихий, в которой океан хочет поглотить небо, попутно, как в цирке, жонглируя всем на плаву, да так, что не всегда и не всем везёт в разыгранном им спектакле.

Моряки шутят: «Как бы жизни море ни штормило, не бросало вас с вершин на дно и несчастье плетью бы ни било - улыбайтесь горестям назло. Унывать себе не позволяйте, слезы - "ахиллесова пята", старые обиды отпускайте, чтобы быть счастливыми всегда!». Сила шторма и его продолжительность, как правило, зависят от координат и времени года. В более высоких широтах ему есть, где разгуляться, потому порой неделями приходилось терпеть все, связанные с этим, неудобства. Причём каждый по-своему. Помнится, Александр Костин после первой своей встречи шторма в Бискайском заливе заявил:

- Лучше буду работать в трамвайном парке.

Выдержал он только один рейс. По приходу домой мы его больше не видели.

Вспомнился похожий случай, когда у одного военного моряка спросили:

- Наверное, после службы поселишься поближе к берегу моря?

На что моряк ответил:

- После демобилизации положу весло на плечо и пойду вглубь материка. И где спросят: - Что это ты несёшь? - там и буду жить.

«Море — это море, накатило — откатило. Иногда море штормит. Оно просто есть, и этого достаточно, чтобы вызывать в людях множество самых разных чувств, и я хочу жить просто как «человек у моря».

Волнение на море сродни «выпитому алкоголю». Чем больше «доза», тем менее уверенная походка. Только алкоголь воздействует прямо, а шторм опосредовано. «Пьяным» становится само судно. Его начинает раскачивать как неваляшку с такой амплитудой, что он начинает черпать воду бортами и зарываться в волны так, что становится похожим на подлодку, когда на поверхности только рубка.

Сколько баллов за бортом узнаём в столовой. Если столы покрыты влажными скатертями, значит не менее восьми.

Совокупность бортовой и килевой качек даёт такой эффект, будто тебя поместили в дьявольскую центрифугу, которую раскручивают сразу во многих направлениях. Все перемещения становятся замедленными и напоминают ходьбу по крутому склону. Направление одно, но сначала осторожно ставишь ногу, чтобы не сорваться вниз, и уже через несколько секунд с трудом карабкаешься вверх, цепляясь руками за поручни. Ощущение будто находишься в одном из кругов ада. В таких случаях главное держать судно на волну, иначе чревато.

Однажды, у Фолклендских островов, этим правилом пренебрегли и подставили борт волне. Нас сразу положило. Ситуация как в боксе - судно в «нокдауне» и уже кто-то недобрый начал отсчёт, а мы, как «подсудимые», ждём свой «приговор». Потом вздрогнув, будто придя в сознание, судно стало медленно крениться в сторону, противоположную от Овер киль.

Обошлось. Приговор был условным. Но от края были недалеко. Критичным для «Ристны» было пятьдесят два градуса, а мы удержались на сорока девяти.

После пережитого по-другому смотришь на жизнь. Начинаешь больше ценить простые вещи: искреннюю улыбку при встрече и доброе слово в общении.

На работе во время шторма всегда отвлекается внимание от главного, сосредоточиться сложно. Внимание рассеяно. Все предметы, как в волшебной лавке, оживают под скрип шпангоутов. Если садишься на стул, то чтобы усидеть, страхуешь себя, держась рукой за стол. Если перед тобой книга, то и её нужно держать чтобы не упала со стола.

На НИС «Ристна» лаборатории экспедиции располагались над грузовым трюмом, в так называемом твиндеке. Вход в эти помещения был единственным и располагался

не в надстройке, а на открытой палубе в средней части судна. Чтобы войти в лаборатории, нужно было пройти из главной надстройки по открытой палубе левого борта метров тридцать в сторону бака. Во время шторма, чтобы выйти из лаборатории и вернуться в свою каюту или в столовую, нужно успеть пробежать по открытой палубе до трапа, поймав момент, когда крен судна окажется на противоположный правый борт. Не всегда это нам удавалось.

Однажды утром к началу сбора в лаборатории не пришёл Александр Семёнов. Меня, как дежурного, посылают за ним. Захожу в каюту опоздавшего и вижу, Александр сидит в кровати, укрывшись одеялом. Оказалось, чтобы успеть на работу, он сделал две попытки с переодеванием, но оба раза его с головой накрывала волна. И теперь ему, насквозь мокрому, просто не во что было одеться.

Другой раз напугало нас отсутствие Евгения Перфильева. На палубе нашего сухогруза во время шторма вода всегда задерживалась, так как борта и шпигаты не справлялись с большим объёмом нахлестывающихся волн. Не желая угодить своей сухой обувью в солёные лужи, Евгений решил пройти не по мокрой и скользкой палубе, а по крышке трюма.

НИС «Ристна». Левый борт заливают волна. Фото – Леонида Любимова

Взобравшись на неё и добежав до края перед входом в лабораторию, спрыгнуть к двери не успел. Новая высокая волна, прокатившись по трюму, увлекла его за собой. Смотрю – Женя был только что рядом, а теперь нет, волна смыла его. Евгения

выручил леер трапа на противоположном борту. Вынырнув, он успел схватиться за это ограждение, промочив не только обувь, а всю одежду. Зато сохранил себе жизнь. Впоследствии этого случая

Ночью во время сильного шторма моряку не расслабиться, сон в такую погоду нельзя назвать полноценным. В койке ощущение такое, будто тебя постоянно кто-то толкает в спину, мешая заснуть, словно «черти в аду ворочают на сковороде», чтобы не подгорел.

К тому же, как не крепи всё подвижное в каюте, а полностью от полтергейста не избавиться. Среди общего шума вдруг слышишь, как в столе что-то начинает перекатываться, и ты уже сосредоточен только на этом звуке, который становится навязчивым, пока не остановишь вольное перемещение предмета от качки. Например, шестигранного карандаша или авторучки. А через какое-то время твоё внимание уже обращено к зубной щётке, которая вдруг оживает и будто, издеваясь над хозяином, начинает бряцать в стакане над умывальником. И всё повторяется. Наведя на какое-то время порядок в своей каюте, вдруг слышишь, как что-то ёмкое загремело в соседней каюте с сопровождающими комментариями в ней проживающих. Чтобы во сне при сильном крене судна не выкатиться на пол из кровати, некоторые пристёгиваются к раме койки ремнями. Однако такая процедура непрерывному сну не способствует, сильный крен заставляет просыпаться и переустраиваться в постели. Сны на качелях с неровной амплитудой ночной «отдых» не сопровождают. Тяжёлые ударные толчки волн в борт, скрипы и шорохи, катающиеся в каюте и рядом предметы, не дают заснуть крепко и в такой обстановке не до сновидений.

Непогода в море вырабатывает у моряков определённые устойчивые привычки поведения на берегу. По возвращению из плавания моряк долго не может отвыкнуть от выработанных в море привычек сохранения предметов от падения в результате качки. Если дома заметит посуду, стоящую на краю стола, то непроизвольно передвинет её вглубь. Зато вернувшись к моряку в домашних условиях сны крепкие, порой возвращает нас к морским переживаниям, слуховым и зрительным галлюцинациям.

8. Волнение на море определяют по шкале Бофорта. **0** – баллов. Штиль. Безветрие. Судно словно скользит по зеркальной водной глади. Слышится только лёгкое «ш-ш-ш-ш», будто призыв не нарушать тишину. А если при этом ещё и туман, то полное ощущение парения в облаках. Стоит поднять руку, и поздороваешься с богом. При открытом иллюминаторе - спишь сном младенца.

1 балл. Рябь на воде. Будто едва заметные морщинки на женском лице.

2 балла. Ветерок 3 m/s. Короткие волны 0,3 m.

3 балла. Ветер 5 m/s. Гребни волн опрокидываются. Высота волны 0,6m.

4 балла. Ветер 7 m/s. Видны белые барашки. Высота волны 1,5m.

5 баллов. Ветер 10 m/s. Белые барашки повсюду. Высота волны 2,0 m.

- 6 баллов. Ветер 13 m/s. Образуются крупные волны высотой 3,0 m.
- 7 баллов. Ветер 17 m/s. Срываются гребни волн. Высота волны 5,0 m.
- 8 баллов. Ветер 20 m/s. Появляется пена, которая укладывается рядами. Высота волны 7,0 m.
- 9 баллов. Ветер 24 m/s. Гребни волн опрокидываются и рассыпаются. Высота волны 10 m.
- 10 баллов. Ветер 28 m/s. Вся поверхность воды покрыта пеной. Высота волны 12 m.
- 11 баллов. Ветер 32 m/s. Суда среднего размера не заметны среди волн. Высота волны 16 m.
- 12 баллов. Ветер более 32 m/s. Грохот волн. Воздух наполнен пеной и брызгами. Видимость стремится к нулю. Сумерки. Предбанник ада. Высота волны более 16 m.

9. Об экстремальных ситуациях в иностранном порту и среди океана.

Наверное, традиция бросать за борт монеты по выходу из порта, с желанием в него вернуться, имеет смысл. В Лас-Пальмас, Канарские острова, мы заходили для пополнения судовых запасов, а по окончании экспедиционных рейсов с завидным постоянством, потому в 70-х считали его своим «вторым» портом приписки.

Всё в этом порту располагало к отдыху. Погрузившись в эту атмосферу неспешной, беззаботной жизни, испытываешь благодарность судьбе просто за то, что пришлось там бывать. Не без оснований, Канары считают островами вечной весны. На двадцать восьмом градусе северной широты, всего в пяти градусах от северного тропика, среднегодовая температура на экзотических островах у западного побережья Африки составляет плюс двадцать три градуса.

Основа экономики островов - сфера обслуживания туризма, а также морских портов. Портов с сетью бесчисленных сувенирных магазинов, как для моряков, так и туристов со всех концов света. В условиях ровного летнего климата на островах производят и выращивают всё необходимое для такого бизнеса, в том числе безраздельно главный продукт - хорошее настроение для всех гостей. За что низкий поклон этим «каплям» Земли в океане – от всех кто эти острова посещают.

Первым заходом в иностранный порт в 9-ом экспедиционном рейсе «Ристны» был Лас-Пальмас на острове Гран-Канариа. Стоянка планировалась на трое суток для пополнения скоропортящихся продуктов, воды и отдыха моряков на берегу. Так как вода и топливо были не нужны, бросили якорь на внешнем рейде, куда недорогие канарские овощи и фрукты доставляют катерами. Пока необходимые продукты для продолжения рейса «Ристны» доставлялись на рейд катерами совместной испано-советской компании Совиспан, члены экспедиции и команда увольнялись на отдых в город на собственной моторной шлюпке. Первый день увольнений подошёл к концу и к 18-00 группы моряков собрались на причале в ожидании своей шлюпки. Полученную валюту моряки потратить в первый же день ещё не успели, в карманах звенели

испанские песеты. Многие планировали погулять в городе постоянной весны на следующий день стоянки судна, делились первыми впечатлениями, планировали завтрашние покупки. Однако таким планам не суждено было сбыться. 21 октября 1974 года мог оказаться последним днём жизни трети моряков «Ристны». Наша шлюпка, в ожидании которой группы моряков вовремя собрались на причале, почему-то опаздывала прибыть за нами. В ожидании её, воспользовались услугами давнего знакомого деда Хуана, торговавшего на причале пивом и вяленой рыбой. В случаях рейдовой стоянки судна, собственная шлюпка обычно ходит к берегу за моряками по чёткому расписанию и обычно заранее дожидается всех на пассажирском причале порта. Назначенное время посадки уже истекло и мы с волнением смотрели за край волнореза порта, из-за которого она должна была появиться. Наконец мы увидели её вдалеке. Насторожило то, что ход её был подозрительно малым. Наши опасения подтвердились, под натужные звуки чих да пых, дымя, единственная моторная шлюпка «Ристны» едва дотянула до причала, чтобы забрать её ожидавших с вещами. Стало очевидным, имеются проблемы с двигателем. На нашу удачу, к причалу пришвартовалась шлюпка с калининградского рыболовного судна, бросившего якорь на внешнем рейде по соседству с «Ристной». Договориться о взятии нас на буксир, не составило труда. Было видно, моряки-соотечественники оказались не только добрыми буксировщиками, но и чрезвычайно весёлыми, как говорят, "тёпленькими от "принятого на грудь". Из опыта наблюдений за советскими рыбаками в иностранных портах известно: тяжёл их труд в океане, но они умеют расслабляться на берегу. Согласившись взять нашу шлюпку на буксир калининградцы, по-видимому, действовали как на автопилоте.

В связи с вышесказанным, вспомнился мне случай встречи с советским большим морским рыболовным траулером (БМРТ) в сороковых широтах южной Атлантики. Траулер был принимающей стороной. Поводом послужили спортивные состязания судовых команд. Всем известно, рыбаки в океане щедро делятся своим уловом с встречными судами ради выгодного обмена на недостающие им продукты. Для успеха предприятия наша команда захватила с собой полканистры спирта. В благодарность за такой подарок, рыбаки сбросили лебёдкой, в нашу шлюпку целую сетку свежей рыбы, едва не отправив её ко дну. Совершив ченч (обмен выпивки на закуску), обе стороны испытали глубокое удовлетворение. Спортивные мероприятия по техническим причинам пришлось перенести на неопределённый срок.

Вернёмся на причал Лас-Пальмаса, откуда нас согласилась отбуксировать калининградская шлюпка. Дружно погрузившись в шлюпку с отказавшим двигателем, закрепили канат, поданный с буксира, приготовились к движению. Рыбаки запустили двигатель и сразу про нас забыли. Это обнаружилось после того как их шлюпка тронулась, а наша оставалась неподвижной до той поры, пока канат от буксировщика не размотался на всю длину. В состоянии опьянения рыбаки, попросту забыли закрепить пеньковый канат на своей шлюпке, и он растянулся более чем на сорок

метров.

Наконец наша шлюпка, судорожно вздрогнув, неохотно последовала за "флагманом". Опасное приключение началось. На длинной дистанции от рыбаков оказались в середине внутреннего рейда. Наша шлюпка, как пойманная рыба, безвольно следовала на длинном буксире, не надеясь на сближение с лидером. Скорость нашего тандема была невелика. В шлюпке рыбаков было четверо и они, «одурманенные» увольнением в долгожданном порту, не оглядывались назад, дремали, позабыв о буксировке шлюпки с двадцатью пассажирами «Ристны». Из-за шума двигателя, они не слышали наших криков, их рулевой лишь изредка поглядывал вперёд.

Вдруг за краем высокого волнореза замечаем, что в нашу сторону, со стороны внешнего рейда, быстро надвигается мощный японский рыболовный траулер, вселяющий ужас в наши сердца. Глядя на него, его высокий борт казался нам Эверестом. Если не уйти от столкновения, нашу неуправляемую шлюпку он мгновенно раздавит в щепки. От страха за такой сценарий хотелось перекреститься и заранее выпрыгнуть из шлюпки за борт, так как возможности манёвра никакого не было. Положение казалось безнадежным, так как наши буксировщики, забыв о буксировке, продолжали тащить нас навстречу стремительно входящему в порт японскому траулеру. Тут наши пассажиры вскочили со своих мест, яростно махали руками, дружно свистели и громко кричали своему лидеру, всячески стараясь привлечь внимание буксировщика прибавить ход, чтобы нам увернуться от неминуемого столкновения. С высокой палубы надвигающегося на нас «монстра» заметили наше бедственное положение, раздались мощные и пронзительные предупредительные гудки в невозможности изменить свой курс, требующие наших само спасительных действий. От мощных гудков «хмельные рыбаки», наконец, очнулись, стали стремительно, одновременно с нашей командой, выбирать размотанный буксир. Помню, как нос громадины-траулера навис над нами, а рядом стоящий со мной шеф-повар, закрыв лицо руками, приготовился к худшему. Казалось бы, всё, пришёл наш конец, но ангел-хранитель оказался рядом и отвёл беду. Едва нас, не коснувшись, траулер волной своей носовой части слегка накренил и ласково откинул нашу шлюпку в сторону так, что его борт лишь по касательной слегка чиркнул по нашей корме.

За маяком на внешнем рейде нас встретили шквалистый встречный ветер и волна в четыре балла. Пассивную шлюпку с пассажирами и их вещами, калининградский буксир подтаскивал к «Ристне» ещё полчаса. Другая штатная шлюпка на «Ристне» не имела мотора, её в шутку называли «Разлукой», она была вёсельной. Как стало известно, причиной происшествию стал вопиющий случай. Моторист «Ристны», направляясь к причалу за увольняемыми, оказался в нетрезвом состоянии после своего утреннего увольнения в город. Он забыл наполнить водой радиатор охлаждения и двигатель шлюпки, едва дотянув до причала, заклинило. Обрадованные, своим счастливым возвращением на судно, на ужине узнали о другом происшествии первых суток стоянки на рейде. Ночью, на нашей рейдовой стоянке с кормы исчезла целая

бухта дорогостоящего капронового каната предназначенного и подготовленного на случай швартовки к причалу. Среди членов экипажа укомплектованной перед выходом в рейс команды, нашлись нарушители правил поведения при увольнении в иностранном порту. В связи с перечисленными происшествиями руководство в лице капитана судна Попова Э.Е. и нач. экспедиции Косыгина А.А. решило досрочно покинуть порт. Капитальный ремонт двигателя шлюпки успели сделать до захода в следующий порт, нарушители морского устава были наказаны в Таллине по возвращению из рейса.

В том же рейсе на «Ристне» посреди океана случилась новая экстремальная ситуация, грозящая гибелью всему судну. И в этот раз виной всему снова оказался человеческий фактор. В состав космической флотилии лесовоз «Ристна» был арендован у Эстонского морского пароходства в 1966 году. Для использования судна в качестве морского измерителя в трюме были оборудованы помещения для телеметрической аппаратуры. Эти помещения размещались в верхней части ближайшего к надстройке трюма, а в его нижней части оставался балласт, в качестве которого выступал инертный груз, щебёнка, позволяющий судну держаться на плаву. В другой части этого же трюма, прилегающей к главной надстройке, оставался танк резервного запаса топлива. Над ним и щебёнкой на судоремонтном заводе в короткие сроки были оборудованы помещения для работ экспедиции. С момента приёма судна в новом качестве резервный танк для хранения горючего практически не использовался, так как его качественное состояние в течение многих лет нельзя было проверить, из-за физической недоступности. Настил помещений экспедиции был уложен вплотную к танку для резерва топлива. Прошло девять лет, и его вдруг решили использовать по прямому назначению в рейсе. Идея заключалась в максимальном высвобождении объёма главного танка для приёма большего количества топлива при заходе в очередной порт. Внешне рациональное решение старшего механика и капитана судна перекачать часть запасов из главного в танк свободный не предвещало беды. Но именно из-за этого решения судно и весь его личный состав оказались на пороге катастрофы в океане, грозящей как минимум пожаром, а то взрывом посреди океана.

Январь 1975 г., НИС «Ристна» дрейфует в заданной точке работ вблизи экватора Гвинейского залива Атлантики. Поздний вечер, судовой радист сообщает члену экспедиции Анатолию Капитанову о поступлении криптограммы из Москвы. Радиограмма не срочная, но её содержание важно вовремя довести начальнику экспедиции. Получив криптограмму, специалист связи спускается в трюм для её декодирования в своей комнате. В помещениях ощущается запах паров бензина, которые могли накопиться днём в результате техобслуживания механических печатающих устройств телеметрической станции. Работая в условиях усилившегося запаха, Анатолий ощущает как «тяжелеет» голова, помутнело в глазах, хочется скорее выбежать на свежий воздух. Завершая работу, внезапно, боковым зрением, заметил бьющие из щелей линолеумного покрытия пола фонтанчики тёмной жидкости. Понюхал, солярка! Срочно позвонил на мостик, по судну объявлена общесудовая

тревога, руководство экспедиции с капитаном спустились в трюм. Остановлена перекачка топлива, насосы запустили в обратную сторону. Если бы поступление горючей жидкости в помещение не было замечено вовремя, могло произойти возгорание электропроводки с последствиями, подобными «вулкану».

Недоступный для осмотров танк, в условиях повышенной влажности и отсутствии вентиляции трюма ржавел под лабораториями экспедиции много лет. Коррозия металла привела к возникновению свищей в корпусе танка, который не выдержал избытка накачиваемого под давлением топлива. К счастью, наш ангел-хранитель снова оказался рядом, иначе о теплоходе «Ристна» могли остаться только воспоминания родных и близких моряков с легендой возможных действий международного терроризма.

10. Без пресной воды в океане. Южная Атлантика. В ожидании предстоящей работы судно лежало в дрейфе, если погода на тридцать пятом градусе южной широты этому способствовала. Жизнь протекала в отлаженном режиме: работа, учёба, спортзал, рыбалка и т.д.

В тот "роковой" день мы отрабатывали действия по нескольким судовым тревогам: пожарная, химическая, радиационная, пробоина, человек за бортом, шлюпочная, тревога №1. Уставшие от суеты и тревог, идём в душ, ненадолго задержавшись у сатуратора. В этот раз он встретил нас недружелюбно. В ответ на нажатую кнопку он только злобно зашипел. Воды не было. Вскоре узнали, что это не каприз бесноватого сатуратора. Попить пресной воды сможем только после захода в ближайший порт. В голове сразу включился калькулятор: пять суток до начала работ в точке, плюс столько же на переход до ближайшего порта. Итого на десять дней мы стали йогами. Говорят им всегда всё по фигу. А записала нас в эту секту вахта мотористов во главе с механиком.

По радиационной тревоге нужно было провести дезактивацию; скатить поверхность судна забортной водой. Включили насосы, но по недогляду перепутали вентили и засандалили морскую воду в танки с пресной водой. В результате получили такой «ядрёный коктейль», против которого желудок начинал бунтовать ещё до подхода к столовой.

Следует отметить, к этому все отнеслись с пониманием. Жизнь протекала своим чередом. С одним дополнением - все, вдруг, стали замечать за собой, что аппетита как-то поубавилось. В наибольшей степени пострадал наш уважаемый шеф-повар. Уж как он ни старался, но все блюда, почему-то, неизменно оказывались сильно пересолёнными, даже с горчинкой. Камбуз работал по схеме: «добросовестно» приготовленная пища выставлялась на столы и затем выбрасывалась за борт, минуя наши желудки. Но постепенно мы стали убеждать себя в том, что и в морской воде, оказывается, есть много полезного и нужно относиться к пище как к лекарству. Этот тезис сработал и все стали ходить в столовую как на процедуры. Мало-помалу мы освоились и даже нахваливали мастерство шефа. Как говаривал классик – «Человек не

блоха, ко всему может привыкнуть».

О привычках, вспомнился такой случай.

В Дакаре мастеру подарили попугая, а с ним и сумку его любимых плодов. Одного из членов экипажа попросили приглядывать за ним. На крышке трюма, накинув на стрелы сетку, он организовал вольер, хозяином которого стал наш общий любимец. Питался привереда только своим лакомством. Зная, что оно когда-то закончится, меню разнообразили рисом и гречкой, но это никак не повлияло на его предпочтения. Он небрежно всё отшвыривал, отыскивая самое вкусное и любимое.

И вот мы снова пришли в Лас-Пальмас, для нашего гурмана наступил великий пост, в текущих делах про него позабыли. И когда спустя четверо суток он встретил своего опекуна, то набросился на него, яростно размахивая крыльями и шипя охрипшим голосом, таким образом, выказывая свой протест. Неожиданно обнаружилось, что перьев на голове страдальца заметно поубавилось, и все сразу прониклись сочувствием к облысевшему попугаю.

А рис и гречку он всё-таки склевал. «Голод не тётка».

Случившееся поменяло и моё отношение к минеральной воде. До той поры я относился к ней с предубеждением. Но после одного случая стал горячим её поклонником.

А случилось вот что. Спустя несколько дней с начала этой истории мне позвонил мастер с просьбой оказать ему услугу в качестве парикмахера, каковым я не являлся. Но в судовых условиях это не было аргументом.

Итак, я выполнил свою работу, а мастер, в качестве благодарности, преподнёс мне целых две бутылки Боржоми. Это был царский подарок. Не могу припомнить, чтобы ранее мне подарили что-либо так совпадающее с моим желанием. И с той поры в моей каюте всегда находилось место для нескольких бутылок с этим напитком.

Здесь уместно рассказать, как совершилась моя карьера как стилиста.

Однажды ко мне в каюту заглянул коллега и обратился с такой же просьбой. В руке он держал электрическую машинку для стрижки волос. Машинка числилась как судовое имущество. Замечу, что его не интересовал вопрос - Держал ли я когда-нибудь в руках такую штуку. Поразмыслив, что стрижка под ноль не такая уж невыполнимая задача, я согласился. Поздравив меня с дебютом, он пошёл в душ, а машинка осталась при мне или я при машинке, до сих пор не могу вспомнить. Итак, узнав, что я освоил такой инструмент, многие поспешили воспользоваться моими услугами. Вот так от неумения отказать и желания быть чем-либо полезным я и обрёл эту «общественную нагрузку».

Клиенты были непритязательны. В моей рекомендации ключевой была достаточная фраза: он когда-то уже стриг кого-то. Высшим балом в оценке моих способностей послужило обращение ко мне члена экипажа Людмилы. Это подняло мою самооценку на недостижимую высоту. В оказании услуги представительнице слабого пола я максимально постарался. Но оценку моей работе заслужил позднее, на берегу.

Людмила была москвичкой и пользовалась услугами персонального мастера. Парикмахером Людмилы была женщина. Когда же наша красавица посетила салон, парикмахер искренне посмеялась над её новой причёской, да так, что у Людмилы от слёз потекла тушь. Это сильно подорвало мой авторитет судового цирюльника. В столице посмеялись, а у меня сузилась клиентская база.

Всё что-то когда-то заканчивается. Выполнив назначенные работы в точке при отсутствии пресной воды, пришли в порт Монтевидео (Уругвай), где лениво покачиваясь на волнах, нас уже ожидала баржа с заказанной водой. Она представляла собой большую плавающую ёмкость с неуклюже торчащей наверху рубкой. Экипаж состоял из двух человек, которые, закончив швартовку к нашему левому борту, теперь суетились на палубе, разматывая шланги.

В то время всех на «Ристне» объединяло только одно - жажда. И тут в приоткрытую дверь рубки на барже мы увидели стоявший внутри бак с краном. Это спровоцировало нас обратиться к экипажу баржи с просьбой поделиться столь желанной нам водой. Просьбу сформулировали на нашем английском и нашем испанском, но это не поспособствовало нахождению взаимопонимания. Диалога не получалось. Если бы мы использовали слова: амиго, порфавор, буэнос диас или там аста ла виста, то тут нам всегда, пожалуйста. А если сложить нужный пазл, да ещё чтобы его поняли, тут уж наше вам - миль пардон.

Иногда такие попытки общения давали неожиданный, и даже противоположный результат.

В том же Монтевидео сидели в таверне. Судовой радист ко всему им заказанному попросил стакан вина, а не бутылку, как принято. Его попытка обстоятельно объяснить это официанту привела к тому, что тот внимательно выслушал и, пригласив следовать за ним, показал, где находится туалет.

Ещё перед первым своим рейсом решил ознакомиться с испанским, так как в порты с испаноязычным языком наш флот заходил чаще других. Приобрёл нужную литературу, стал вникать. При заходе в Санта-Крус-де-Тенерифе, канарский остров Тенерифе, решил попрактиковаться. Зайдя в первую же лавку, прямо с порога вещаю на испанском: «буэнос диас» вам всем. Мне приветливо ответили. Тут меня понесло. Стал спрашивать, что не попадя, прямо по-книжному. Неожиданно хозяин лавки о чём-то спросил меня, не успевшего понять вопрос. Это поставило меня в тупик. Обратился за помощью к рядом стоящему члену экспедиции Владимиру Дерюгину, попросил его помочь с переводом. И тут лавочник, услышав меня, задаёт следующий вопрос уже на родном мне русском: - Так ты русский? И не дожидаясь ответа, высказался в мой адрес в таких ядрёных выражениях, что руки отказываются переносить это на бумагу. Их смысл, сводился к одному: какого ... ты мне голову морочишь?! После этого тяга к полиглотству резко ослабла. Так и не довелось почитать Сервантеса в подлиннике.

О случае заправки водой в Монтевидео. Наш испанский был слишком далёк от

понимания его уругвайцами, и не, оттого что мы неправильно формулировали свою просьбу. Портовикам баржи просто не могло прийти в голову, как это вдруг в море мы оказались без пресной воды в плавании, как соскучились о пресной воде, не пользуясь ей почти две недели.

Вдруг видим, по трапу быстро сбегает вниз вахтенный механик. В руках он держит фал с привязанным чайником. Подойдя к борту, он, не проронив ни слова, жестом показал, что хочет пить, и, указав пальцем на рубку водолея, стравливает чайник на палубу баржи. Один из моряков баржи неохотно отвязывает его и направляется для наполнения к рубке. Видя, что сработало на горячем примере, другие наши коллеги решили поступить также. В то время когда с водолея на конце поднимался наполненный чайник, гирлянда из графинов разных кают уже украшала борт. Экипаж баржи-водолея не предполагал такой бурной наглости, смущённо переглянувшись, в полном составе ушёл в рубку, закрыв за собой дверь.

Счастливым обладателем чайника, бережно подняв его, страстно прильнул к носику, сделал несколько жадных глотков, засмеялся и, боясь расплескать драгоценную влагу, убежал на свою вахту. Позже выяснилось, что в чайнике было вино. Это во многом объяснило поведение радушных уругвайцев.

Вскоре с баржи стали подавать воду. Включили насосы и под давлением шланги обрели упругую форму. В некоторых местах появились тонкие струйки живительной влаги. Прильнув к этим фонтанчикам, испытали несказанную радость. Все были счастливы как когда-то.

Сказывали, что после нашего захода, по Уругваю поползли слухи, будто-бы их посетило судно, на котором все законченные алкоголики.

Впрочем, я этого не утверждаю.

11. Судовой врач – фигура в рейсе значимая, но иногда и он может оказаться в роли пациента. Это вам не какой-нибудь там ухо, горло, нос, но и щёки, шея, бока и вообще весь организм. А организмов на судне - несколько десятков. И за каждым нужен пригляд. В общем, судовой врач - многостаночник. Дай ему самому бог здоровья!

В большинстве прежних рейсов на «Ристне» сложных медицинских операций на борту не было. Так, иногда, перед заходами в Африку, врач вколет кому-то прививку под лопатку от холеры, да за состоянием производственной санитарии на камбузе посмотрит или лекцию о здоровье моряков прочитает. К тому же нас ежегодно тестируют в портовой поликлинике. А там, ради сбережения бюджета, который несёт расходы при лечении заболевшего за рубежом, запросто могут вырвать не совсем безнадежный зуб, а то и два. И вырвали, как в случае с моим коллегой.

Один «хитроумный» обратился к приятелю прошедшему комиссию профотбора с необычной просьбой. Опасаясь за сохранность имеющихся у него зубов, и зная, что приятель доверяет лечение только одному столичному стоматологу, дерзнул

попросить его ещё раз посетить стоматолога вместо себя с медицинской книжкой просителя.

Видимо дружба приятелей была крепкой и приятель согласился. На что рассчитывал?

Врач оказался бдительным и не поленился заглянуть в медицинскую карту. Сравнил пациента на соответствие документу. Врач, заметив различия, догадался о несоответствии самого объекта прохождения комиссии. Он догадался, что его наглым образом "дурят". Не подводя вида, доктор решил со всей тщательностью снова исследовать полость рта пришедшего пациента. Без предвзятости нашёл проблемный зуб и его вырвал, несмотря на настойчивые возражения пациента.

Этот случай вспоминали в компании за чашкой кофе.

- Это ещё что? - Встрял в разговор мой сосед по каюте - Мне в этом учреждении нанесли невосполнимый моральный ущерб.

И он поведал нам свою историю.

Захожу, говорит, в кабинет хирурга. Он, поприветствовал меня и, произнеся дежурное - Раздевайтесь - быстро снял трубку телефона и что-то произнёс. Затем, встав из-за стола, подошёл ко мне. Внимательно осмотрев и убедившись, что внешних изъянов нет, он, попросил наклониться и раздвинуть ягодицы. Пациент стоял спиной к двери и послушно выполнил команду.

В это время открывается дверь и в кабинет заходит молоденькая сестричка. Пациент сразу догадался, кому накануне позвонил врач.

Рисуется такая мизансцена: между доктором и сестрой мой сосед в позе «испуганного страуса».

Она, от неожиданности увиденного, произносит:

- Здрас-с-сте!

Он, не задумываясь о том, что его поза не совсем удобна для диалога, машинально отвечает:

- Здравствуй.

И тут наша сестричка, недоумевая, кто ей ответил, едва сдерживая себя, зажав рот рукой, выбежала в коридор и разразилась таким «гомерическим» хохотом», что едва не угодила на приём к психиатру.

Я, говорит, по достоинству оценил чувство юмора доктора, но желание дать ему по шее возникало одновременно.

Лично моё отношение к судовому врачу - безграничное уважение.

Случилось это со мной при нахождении в Гвинейском заливе, прямо на экваторе. На рабочем месте почувствовал дискомфорт в области живота, который никак не проходил. Получив разрешение, поднялся на приём к доктору. Тот, выслушав меня, уложил на диван и, нажав пальцами на живот, резко их отпустил. Ощущение было болезненным. Врач посоветовал, чтобы я пошёл к себе в каюту и отдохнул, а

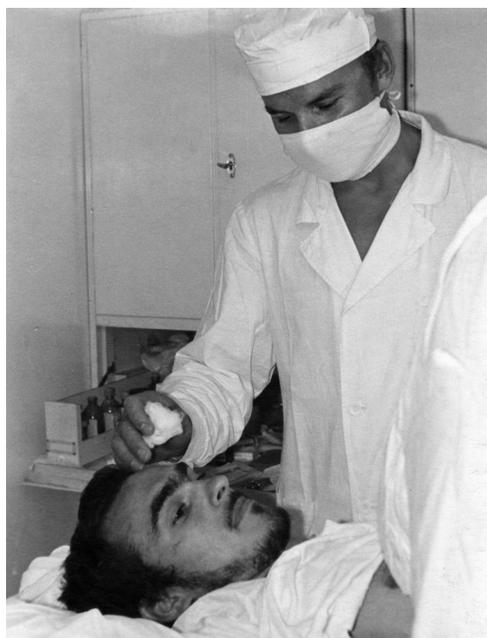
начальника он предупредит. Всё было исполнено, так как велено. Задремав, вдруг слышу голоса. Открываю глаза и вижу склонившегося надо мной доктора в белом халате и белой шапочке. Настроен он был по-боевому. Видя, что я проснулся, голосом, не допускающим возражений, он приказывает мне отправляться в душ и затем подняться в судовой лазарет.

Ошеломлённый, не до конца понимая суть происходящего, я безропотно всё исполнил.

В лазарете-госпитале уже энергично и безраздельно распоряжался доктор. Все, кто там находился, были чем-то определённо озадачены, и только матрос Гриша, почему-то тоже в белом халате, невозмутимо стоял в ожидании команд. Это был здоровяк с кулаками, похожими на пудовые гири.

С камбуза притащили две кастрюли, на которые водрузили спинку от дивана, поверх которой, в свою очередь, взгромоздился я. Предстояла операция по удалению аппендикса.

Доктор призвал немного потерпеть и, сделав обезболивающий укол, уверенно приступил к делу. Я же, опасаясь, что при моём неловком движении он может отшандалить мне что-нибудь лишнее, лежал как прибитый. В основном мои мысли, и взгляд были сосредоточены на Грише, который стоял в моём изголовье с решимостью в любой момент, при необходимости, отправить меня в кому. При такой перспективе я боялся не только шевельнуться, но и глубоко дышать.

В судовом лазарете

Позже доктор сказал, что я держался мужественно, чему я не возразил.

Всё прошло в таком стремительном темпе, будто это был сон. И сон этот оказался

счастливым для меня, так как в текущем рейсе с нами оказался доктор с дипломом хирурга, да к тому же защитивший кандидатскую на тему - диагностика аппендицита.

Обычно в таких случаях говорят:

- «Сорвал Джек – пот».

Не уверен, что всё бы закончилось для меня также благополучно, если бы с нами пошёл врач из предыдущего рейса, специализация которого - гинеколог.

После случившегося наш доктор проникся ко мне доверием и даже позволил остаться пожить в госпитале.

На судне, построенном в ГДР, мы были стеснены по части жилья, каюты были построены не по советским нормам, они были малы, и даже резервная каюта была занята. Судно-лесовоз было обычным сухогрузом, которое арендовало для своих нужд наше высокое космическое ведомство у Эстонского морского пароходства. Количество членов экспедиции, в связи с дооснащением экспедиционного оборудования постоянно возрастало, а кают для всех не хватало.

Итак, я временно поменял прописку и стал жить в судовом лазарете. Он располагался на шлюпочной палубе левого борта и включал часть коридора, отделённого стеклянной дверью. Сам госпиталь представляло собой помещение, площадью немногим больше обычной каюты. Главным из мебели там была медицинская койка с высокими металлическими бортами. Она возвышалась строго по центру, опираясь на две неподвижные опоры, приваренные к палубе. Металлическая конструкция кровати, как гамак, в некоторой степени позволяла компенсировать бортовую качку.

Был у неё и существенный недостаток.

Отсутствие подшипников приводило к тому, что металл тёрся о металл, издавая отвратительный скрежет, который мешали мне спать и вынуждал с ловкостью обезьяны выпрыгивать из неё, для нанесения необходимой смазки, предусмотрительно выделенной мне боцманом. После такой профилактики я снова запрыгивал в госпитальную койку, как ковбой на мустанга. Иногда, после бессонной ночи, казалось, что я и впрямь проскакал на спине лошади десятки километров.

Компенсировала все неудобства ванна с забортной водой, которой я пользовался регулярно и с большим удовольствием.

Счастье - общение с интересными людьми. Судьбе было угодно, чтобы в жизни мне встретились такие, у которых есть чему поучиться и которым я буду всегда благодарен. Если всех назвать поимённо, это займёт отдельный том. Это я к тому, что каждый человек по-своему интересен. В каждом есть искра божья.

Судовой доктор был одним из них. Он обладал не только профессиональным мастерством, но и прекрасным чувством юмора, которое умудрялся использовать для общего блага.

Играем как-то с ним в морской бильярд на корме. Подходит вахтенный механик и, обращаясь к доктору, спрашивает:

- Сергеич, весь день какое-то недомогание, аппетита нет, сонливость. Что это со мной?

Доктор, не отрываясь от игры, отвечает:

- Я врач, откуда я знаю?

Механик расплылся в улыбке.

- Вот видишь, улыбнулся - значит пошёл на поправку. Теперь походи в спортзал и не думай о плохом.

Подумалось, и впрямь, может быть, тебе просто приснилась не жена, а тёща. Вот организм так и отреагировал. И не надо беспокоиться по пустякам.

Обязанность врача - в любое время, при любых условиях оказать необходимую медицинскую помощь. Доктор поделился случаем из своей практики.

По окончании института он был распределён в районный городок Эстонии. Вечера они проводили в своей компании за игрой в бридж.

Однажды, в один из таких вечеров, ближе к полуночи, раздался настойчивый стук в дверь. Передо мной стояла пожилая женщина с вывихнутой челюстью. Оценив ситуацию, понимаю что мне, возможно, не справиться, так как уже прошло какое-то время и мне не хватит сил, чтобы растянуть сократившиеся мышцы. Решив подстраховаться, прибегнул к помощи «прокурора», который в нашей компании был самым покладистым. Тот с готовностью согласился. Объясняю задачу: необходимо оттянуть нижнюю челюсть вниз и повернуть её в нужную сторону.

Усадив бабулю на стул и представив «прокурора» доктором, встаю за её спиной. Новоиспечённый "врач", ухватив пациентку за челюсть, дёрнул так, что вывернул её на другую сторону. Бабуля, опасаясь, что могут совсем оторвать ей челюсть, а то и голову, вскрикнув в полуобморочном состоянии, попыталась убежать от своих благодетелей. Тут уж, перехватив инициативу, я схватил за её челюсть и быстро поставил её на место.

В следующую экспедицию на «Ристне» мы пошли в том же составе. И вот тогда-то я лично убедился, что такое настоящее мужество, примером которому невольно послужил сам доктор.

Случилось это за полтора месяца до прихода домой в Атлантике.

В импровизированном судовом спортзале, пустом трюме, расчищенном от балластной щебёнки, играем в футбол. Вдруг доктор падает. Падение на шаткой палубе при игре в футбол не такая уж редкость. Но случившееся оказалось тяжёлой травмой.

Доктор встал и быстро подбежал ко мне. Я сразу увидел, что его левая рука неестественно согнута. Это был перелом предплечья чуть выше ладони. Он потребовал взять его за руку и с силой потянуть на себя. Как только я это сделал он, прижав руку к груди, приказал мне следовать за ним и быстро направился к выходу.

Спортзал, по сути, представлял собой пустой грузовой трюм, вокруг и всюду только металл. Чтобы оказаться в спортзале, нужно спуститься по узкому вертикальному

трапу на шесть метров. А чтобы покинуть его, необходимо подняться вверх, преодолевая те же шесть метров. И раненый доктор сделал это без посторонней помощи! В его-то положении. Думаю, что в горячке.

Спортзал. Арбитр судовой врач (слева). Фото Анатолия Капитанова

Мы поднялись в его каюту. Достав с книжной полки иллюстрированный справочник по хирургии и быстро отыскав нужную страницу, на которой была фотография как раз его случая, он объяснил, что необходимо сильно потянув за руку, совместить сломанные кости по прямой линии и зафиксировать, наложив на руку гипс. Как мне показалось, задача не сложная. Но практика же оказалась очень далека от теории.

Доктор спросил:

- Делал ли я прежде уколы? И если нет то надо.

Я ответил:

- Не приходилось. Но готов.

Затем он назвал фамилии ещё трёх человек и послал меня за ними. Быстро исполнив его просьбу, мы собрались в судовом госпитале.

Итак, в международную бригаду скорой медицинской помощи вошли электромеханик и первый помощник - эстонцы, всё тот же матрос Гриша - белорус и я - представитель РФ. Перед каждым поставлена задача. Электромеханик делает обезболивающий укол. Доктор передоверил это ему, объяснив мне, что когда он волнуется, то ему проще говорить по-эстонски. Я не возражал. Первый помощник накладывает гипс. Нам с Гришей доверено растянуть руку.

Мы сразу приступили к выполнению своих обязанностей. Доктор садится на стул.

За его спиной стал Гриша. Одной рукой он взялся за ручку двери для опоры, другой держал полотенце, которое обворачивало руку доктора чуть выше локтя, и приготовился тянуть. Напротив сел я. Одной рукой держась за кровать, другой же, предварительно намазав ладонь клеем, взял руку доктора, словно здороваясь, и так же приготовился в ожидании команды. Первый помощник размешивает гипс.

Началу активной фазы операции положил электромеханик. Ободряя себя, со словами: - Я матёрый садист. Сделаю как надо - он вонзил шприц в руку. От его усердия, упёршись в кость, игла изогнулась. Он с усилием стал вводить раствор. Когда додавливал остатки, вдруг через иглу обратно в шприц пошла кровь. Всё лицо доктора вмиг покрылось крупными каплями пота. Он сквозь зубы произнёс:

- Вынимай шприц.

После этого мы изо всех сил стали растягивать его руку. И когда нужно уже накладывать гипс, вдруг обнаруживаем что пропал первый помощник. То ли его испугал вид крови, то ли общая напряжённая атмосфера, но ему стало плохо, и он сбежал. Пока его разыскивали, приготовленный им гипс засох.

Сидя напротив, лицом к лицу, я увидел, что зрачки в глазах доктора необычайно расширены и пот теперь стекал по его лицу непрерывным потоком. Как ему в такой ситуации удавалось ещё, и руководить процессом оказания помощи, не понимаю.

Наконец привели «саботажника». Всё это время мы не прекращали растягивать руку. Так что сами покрылись испариной.

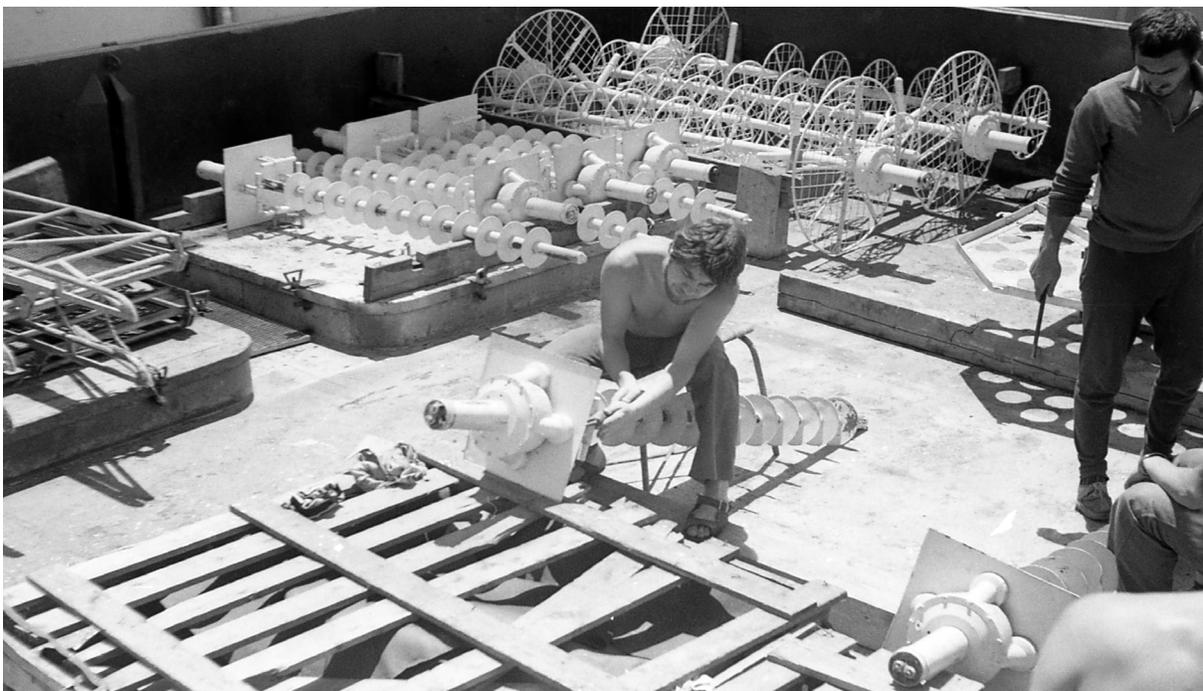
Со стороны судовой лазарет и то, что там происходило, скорее, напоминал фильм ужасов с застенком гестапо, где орудовали четверо отмороженных садистов, изоощрённо пытая свою жертву.

Наконец на многострадальную руку доктора был наложен наспех приготовленный гипс. После этого у всех нас возникло необоримое желание попросить у доктора прощения. Что мы и сделали.

12. В межрейсовый период судно «зализывало» свои океанские раны и избавлялось от морских стрессов в родном порту у причала или в судоремонтном доке. На берегу члены экспедиции поочерёдно дежурили по одному, при необходимости обеспечивая доступа в служебные и жилые помещения экспедиции.

В порту Таллина стояли у причала. Нужно было поменять прокладки в трюмах. От времени они полопались и утратили герметичность. В рейсе, даже при небольшом волнении, вода стала проникать под крышку трюма и через подволока капала прямо на аппаратуру.

Чтобы не допустить возникновения неисправностей, над стойками вынужденно развесили брезент, и дежурный периодически вычерпывал накопившуюся в нём воду. Но влажность из-за проникновения воды внутрь лабораторий оставалась высокой и вероятность отказа техники резко возросла.

Профиль антенны под крышкой трюма. Фото – Леонида Любимова

Сдёрнули крышку трюма, и бригада приступила к работе. Один из новичков судовой команды перемахнул внутрь твиндека и любопытства ради стал расхаживать по фанерному подволоку (декоративного потолка научной лаборатории) без всякой на то опаски. Неосторожно наступив на край листа, а гвозди там уже давно сгнили, фанера прогнулась, и наш незадачливый моряк мгновенно провалился вниз. Последовавший грохот свидетельствовал, что приземление было не совсем мягким. Освободившись от тяжести, лист фанеры стал на место, оставив упавшего в помещении экспедиции в полной темноте, откуда сразу раздались панические крики, щедро сопровождаемые малоинтеллигентными выражениями.

Чтобы вызволить узника из заточения, я мгновенно побежал вниз по трапу в лабораторию экспедиции. Открыв дверь и включив свет, увидел испуганное лицо обзлѐнного человека, который жаждал сатисфакции. На вопрос: - Нужна ли медицинская помощь, он молча, отстранив меня, бодро поднялся по трапу. Это успокоило.

Пока закрывал дверь и поднимался наверх, произошла метаморфоза. На палубе я увидел с трудом передвигающегося человека, сильно припадающего на левую ногу и держась рукой за плечо. Подойдя к нему, задаю глупый вопрос:

- Что с тобой случилось?

Он стал упрекать меня в том, что всё произошло по моей вине, так как я не проинструктировал его перед началом работ и отсутствовал при их проведении. И

что он надолго потерял работоспособность, и впредь будет лечиться едва ли не за мой счёт. А теперь просит оставить его в покое и видеть меня не желает. Шантаж в чистом виде!

Оценив его артистизм, понимаю, что объяснительную записку руководству писать всё же придётся и на поощрение рассчитывать не стоит. Решил играть его же картами.

Прихожу к нему в каюту. Сидя на диване, при виде меня, он отвернулся. Как «подсудимый», прошу последнее слово. Он остаётся безучастным. Тогда по своей инициативе выступаю с коротким монологом:

- Ты обозначил мои проблемы, а я нарисую твои. Проникновение в секретную лабораторию без допуска, возможно намеренно, нашей службой не поощряется. Не знаю, как ты это объяснишь, но в любом случае визу на выход в заграничье тебе не откроют, и ты будешь вечным каботажником.

Блеф сработал. Это был сильный удар по самолюбию хитреца. В каждом моряке в той или иной степени живёт романтик. И это оказалось его Ахиллесовой пятой. Он резко встал. Передо мной был уже другой человек. Все хвори сразу его покинули, будто бы он только что съел молотильное яблоко. Теперь уже он просил забыть этот курьёз. И на пути к моей каюте мы почти подружились.

За минуту после его пламенного выступления, у «пострадавшего» из-за собственного любопытства и невнимательности человека исчезли ушибы, вывихи, а возможно и срослись переломы...

Если бы не море, подался бы в психотерапевты.

Один из дней моего дежурства на стоянке в порту оказался выходным. На судне оставалась только вахта. Решил провести время в городе. В Таллине не заскучаешь.

Ближе к вечеру, возвращаясь, вижу: стоит у причала в гордом одиночестве, на том же месте, наш кормилец. Но почему-то у борта собралась большая толпа. Женщины с цветами, дети, все машут руками, кого-то приветствуя. В недоумении замечаю, среди незнакомых мне людей не видно никого из судовой команды. Вдруг громко заиграла музыка, опускается трап, по которому торопливо сходят моряки. Никого из них я тоже не знаю. Объятия, поцелуи. Что происходит?

Поднимаю голову и вижу, вместо написанного на борту и так согревающего душу слова «РИСТНА», совершенно бессмысленный набор букв, из которых складывалось непонятное слово «КАУГАТОМА», от которого на душе даже стало как-то неожиданно тревожно.

Прямо как у Антона Павловича -

- А ну-ка брат Елдырин, сними-ка с меня пальто.

Начинаю перебирать догадки, что на это же место ошвартовали только что пришедшее из рейса судно той же серии. Тогда где же моё? Ответ решил искать в пароходстве. С настроением хуже некуда, продолжаю брести по причалу.

Вдруг откуда-то сверху, как показалось прямо с неба, слышу знакомый голос вахтенного штурмана:

- Григорич, ты куда?

Поднимаю голову и вижу на крыле мостика знакомую, улыбающуюся физиономию.

- Объясняй!

- Утром, после твоего ухода, прибыл автобус из студии Галлифильм, и мы весь день снимаемся в кино-массовках.

«Брат Елдырин, одень-ка на меня пальто».

Чувство юмора многим морякам не занимать, в условиях тяжёлой работы и трудностей длительного рейса оно помогает снимать накопленные стрессы.

Вспомнился такой розыгрыш на корме «Ристны», месте частого общения моряков, разрешённого курения, месте рождения судовых слухов и морских баек. Техник Михаил Попов всегда считался признанным радиолобителем и изобретателем в экспедиции. Однажды в каюте он занимался настройкой личного магнитофона, для чего принёс из лаборатории измерительный прибор-генератор. Он любил музыку, для чего перед рейсом создавал фонотеку с записями любимых «вещей» для прослушивания в рейсах. Хорошее чувство юмора привело радиолобителя к идее дружеского розыгрыша. В условиях плохого прохождения коротких волн в Атлантике, покурить на корме с товарищами под отечественную музыку, пойманную на его радиоприёмнике. Чтобы продемонстрировать всем такие «уникальные возможности», звук своего магнитофона подал на генератор высокой частоты, который стал мини-радиостанцией, антенной которой служил кусок провода за иллюминатором. Промодулированный генератором сигнал, таким образом, мог распространиться в пределах 50-метров, чего было достаточно для трансляции уверенного приёма КВ на корму. Итак, на удивление рыбаков и курильщиков, в обеденный перерыв, со своим радиоприёмником Михаил появился на корме. Среди слабых иновещательных станций, вдруг, без особой настройки, Михаил прилюдно «поймал» частоту «радиостанции своей каюты». В это время на магнитофоне воспроизводилась запись лёгкой эстрадной музыки, записанной перед рейсом с «Маяка». Невольно услышав хорошее качество радио, удивленная толпа окружила радиолобителя, с изумлением и наперебой расспрашивая, как это удалось поднять чувствительность приёмника на уверенный приём днём московского радио, в мёртвой зоне прохождения коротких волн Центральной Атлантики? А Михаил, ещё не уличённый в розыгрыше, позволил любопытным прикоснуться к ручке настройки, лукавая, рекомендовал именно такой радиоприёмник приобретать всем на будущее...

Случались невольные розыгрыши и покруче. Воспоминания из рейсов на НИС «Невель»:

При заходе в Буэнос-Айрес (Аргентина) получили почту. Все разбрелись по каютам, чтобы из писем узнать в подробностях о домашних делах. Вдруг слышу грохот в соседней каюте. Бушевал Викторovich. Хорошо разобрать удалось только одну фразу:

- Я же просил предохраняться!!

Захожу в каюту и вижу соседа в крайне возбуждённом состоянии. Выглядел он как кот перед кастрацией. Причиной было письмо от жены, где во второй строке, сразу после – «Здравствуй любимый! У меня всё хорошо», - и тут же через запятую, как обухом по голове: - «беременность проходит нормально».

- Она же совсем недавно родила второго! Зачем делать из меня отца-героя? - негодовал сосед.

Немного поостыв, он стал дочитывать письмо. И тут выяснилось, что текст написан в прошлом году. Тогда, в прошлом рейсе, это письмо просто не успело прийти к нашему заходу в этот порт.

Отлегло!

Моторист отстоял свою вахту. В каюте, на столе, его ожидала телеграмма. Жена сообщала, что по лотерее выиграла тяжёлый мотоцикл с коляской и просила совет, брать выигрыш или деньги?

Обдумывал он своё решение на пути в артелку (судовой ларёк), откуда вернулся с ящиком вина и сопутствующими деликатесами. Левый борт главной палубы сразу оживился. Разговоры всё громче и веселее, братания, музыка. Налицо все атрибуты праздника. И вот уже эта волна веселья готова захлестнуть всю надстройку.

В то же время, как обычно, судовой радист разносил телеграммы. Зайдя в каюту, где собралось много адресатов, он поинтересовался поводом. Радужный хозяин предложил за столом разделить с ним его неожиданную радость. Ведь радист мог быть первым, кто мог знать эту приятную ему новость, а значит, в какой-то мере причастен к общему ликованию. Однако радист вынужден был признаться, что такой телеграммы он не получал.

Немая сцена.

Вскоре нашли виновника. Им оказался сосед по каюте, который сочинил такой текст на чистом бланке телеграммы. Свой поступок он объяснил, одной фразой: «стало скучно».

Моряки народ весёлый! За словом в карман не полезут.

В Гибралтаре увольнялись с рейда. Моряк, в костюме и при галстукe, не удержался на штормтрапе и шлёпнулся в воду между бортом и шлюпкой. Не успел он вынырнуть, как кто-то произнёс:

- Кранец.

И это «имя» закрепилось за ним навсегда.

Был на судне любитель ночных купаний. Однажды, сменившись с вахты, он по привычке направился к водным процедурам. Свой прыжок дельфином он запомнил надолго. Накануне вечером воду из бассейна слили. Лечился ночной купальщик в городской клинике порта Монтевидео, где мы его с судовым доктором навещали.

Нельзя не упомянуть о проделке Виктора Бобкова, которому удалось разыграть целый экипаж. Виктор был энергичный, весёлый парень с окладистой бородой. Большой выдумщик, в его компании никогда не было скучно.

Спортзал на судне по значимости стоит в одном ряду, пожалуй, что со столовой. Он никогда не пустовал. Там проводились не только футбольные игры, но каждый рейс организовывали спартакиады между командами экипажа и экспедиции. По накалу страстей она едва ли уступала какому-нибудь чемпионату. Бились с большим азартом и полной отдачей сил.

Очередная спартакиада подходила к концу. По игровым видам преимущество было у экспедиции. По силовому единоборству у нас не было никаких шансов. Хотя бы потому, что численность экипажа втрое превышала команду экспедиции. А в «живом весе», вероятно и того больше.

Перетягивание каната на НИС «Невель». Фото – Анатолия Пронина

И вот под занавес наступила кульминация - перетягивание каната. Все поставили на экипаж, кроме Бобкова.

Соперники стояли напротив друг друга, вцепившись в канат. Наша команда выглядела удручающе. Все ждали, что сейчас начнётся «избиение младенцев». И вот боцманский свисток дал старт. Неожиданно для всех команда экипажа не сдюжила и уступила. Проигравшие стали бурно протестовать. Якобы мы дёрнули преждевременно. По-другому, пожалуй, это было действительно не объяснить. Поэтому было принято решение переиграть. Снова боцман раздул щёки и пронзительно засвистел. И после упорного сопротивления команда экипажа вновь не справилась с нами. «Голиаф» был повержен.

Боцман только развёл руками. Нависла зловещая тишина. Все понимали, что такого быть не может, потому что не может быть никогда. Но объяснить причину своего поражения они не могли и потому злились молча. В какой-то момент мы и сами пожалели о содеянном, но отступить было поздно.

Объяснение было простым.

Крашенная палуба да ещё при большой влажности, обладала одним свойством. На ней было скользко. Учитывая это, наш прозорливый Витя удумал растолочь в порошок кусок канифоли и, рассыпав его на мешковину, попросил нас потоптаться на ней перед самым выступлением. Результат не замедлил сказаться. Если бы об этом узнали соперники, то возможно без драки не обошлось бы.

Неожиданно для себя, довелось разыграть одного предприимчивого бразильца.

В Рио мы заходили несколько раз. В первый заход нас ошвартовали на почётном месте, прямо в центре, откуда можно было обозревать и Корковадо и Сахарную голову и Копакабану. Всё было в шаговой доступности.

В следующий заход, убедившись, что мы отнюдь не круизный лайнер, нам отвели более скромное место на задворках порта, откуда приходилось добираться до центра пешком, через фавелы, или в автобусе.

Случай в одной из таких поездок.

Стоял в проходе автобуса. Чтобы выйти на остановке, рядом встаёт женщина. Разворачиваясь чтобы её пропустить, почувствовал, что мне что-то мешает. Посмотрев вниз, прямо обомлел. В моём кармане рука. И эта рука не моя.

Рядом стоял мужчина лет сорока. С виду эдакий «идальго»: набриалиненный и с тонкими усиками. Прямо как с лубочной картинки. На миг наши взгляды пересеклись, и мы как гуманоиды пообщались без слов. В его глазах читалось :

- Не могу же я в такой тесноте уследить за обеими руками. Мало ли что бывает. И оставаясь внешне очень спокойным, посчитав, что общение закончено, он, не прощаясь, отошёл в сторону.

В его, если так можно сказать, профессии главное отвлечь внимание. Вспомнился случай, который произошёл на предприятии.

К проходной, громыхая привязанной проволокой пустой бочкой, подъезжает

трактор. Водитель кричит вахтёру:

- Открывай ворота.

Вахтёр в ответ:

- А у тебя разрешение на вывоз бочки есть?

- Нет.

- Отвязывай бочку.

Бочку отвязал, а трактор умыкнул.

Меня этот случай в Рио очень позабавил. Польстило, что приняли меня за состоятельного туриста, за счёт которого можно было бы как-то поправить своё материальное положение. Но потом подумал, что возможно в такую жару ему понадобился мой носовой платок, чтобы вытереть его вспотевший лоб. Тем более что в моём кармане ничего более и не было.

Никакой неприязни к нему я не испытывал.

Из случившего сделал для себя вывод. До той поры самонадеянно считал невозможным, чтобы посторонние без моего ведома, хозяйничали бы в моих карманах.

Оказалось запросто. В заграничных портах нужно всегда быть бдительным, «держат нос по ветру». Проблема может возникнуть из ничего, на пустом месте.

НИС «Невель» на рейде. Фото – Анатолия Пронина

В Сингапуре, после толкучки на Малай-базаре, прогуливались в Тигровом парке. Из инструктажа представителей нашего посольства помним, как суровы местные законы к тем, кто их не соблюдает. К примеру, за брошенный мимо урны окурок штраф пятьсот сингапурских долларов, что по тому курсу соответствовало двумстам пятидесяти американским.

Авдошкин Боря (НИС «Невель»), увидев урну, решил избавиться от каких-то ненужных бумажек. Подойдя к урне и видя, что она закрыта, внизу обнаружил педаль. Нажав на неё, он полагал, что откроет крышку. Крышка действительно открылась, но не сверху, а снизу и всё содержимое вывалилось на землю. Если всё содержимое урны разделить на условный окурок и умножить на пятьсот долларов, то получался немалый срок за «экологическую угрозу». Подойдя к «месту преступления», мы опрокинули урну и стали быстро запихивать в неё вывалившуюся макулатуру. Со стороны это выглядело так, будто трое «детективов» досматривают мусор в поисках «улик» передачи информации. Успели. Обошлось без последствий.

В Белене (Бразилия), который приютился в устье Амазонки, мы пробыли недолго, так как торопились в рабочую точку Атлантики. Угодили как раз в сезон дождей. Это когда дождь идёт непрерывно - то затихая, то снова - стеной. Как будто сначала стоишь под мелким душем, и вдруг тебя окатывают из ведра. Но в погоне за впечатлениями, для нас это не стало препятствием. К тому же заход был впервые. Не зная города, не имея карты, вышли в город, чтобы просто «бродяжничать».

Не заметили, как пролетело время.

Обратно решили вернуться другим маршрутом. Перешли на другую сторону обводного канала, полагая, что так сократим свой путь. Но изгибаясь, он уводил нас куда-то в сторону. Выходило, что мы всё более удаляемся от порта. Нужно было возвращаться. Теперь стало поджимать время. Берём такси.

Если оценивать наши познания португальского по пятибалльной шкале, то выходил «твёрдый ноль». С водителем объяснились клинописью, нарисовали контуры нашего судна. Это помогло. Вскоре мы были на месте. Правда возникла небольшая заминка при расчёте. Со стороны это выглядело так, будто надолго расстанутся близкие люди и им не хочется этого делать. Водитель достал какую-то объёмную книгу, и быстро перелистывая страницы, постоянно тыкал куда-то пальцем, громко разговаривая сам с собой. Суть этой пантомимы мы уловили сразу - предстояла полная «конфискация» наших не совсем крупных капиталов. В итоге вышло, что мы оплатили экскурсию по городу, а заодно и услуги гида. После того как в наших карманах стало просторнее, оставалось только гордиться тем, что удалось прокатиться в «пятизвёздочном такси».

В Сьенфуэгосе, Куба, мы простояли у стенки четыре с половиной месяца. Отлучались только для захода в Виллемстад - Антильские острова и в Веракрус - Мексика. После работы и в выходные проводили время в городе или на пляже. Часто устраивались экскурсии или спортивные соревнования, в основном по футболу, с местными командами или с командами экипажей других судов на городском стадионе.

Праздновали с кубинцами карнавал, который продолжался неделю и который демонстрировал единение, где не было ни чинов, ни рангов. Увольнялись до трёх часов ночи.

Приобщились и к культуре. Посетили городской театр. Разместившись на галёрке, с интересом наблюдали за действием. Спектакль был преисполнен революционного пафоса. Особенно впечатлил последний акт. На сцене две шеренги бойцов в камуфляже и с «калашниковыми», отмаршировав, построились напротив друг друга и, подняв автоматы над головой, неожиданно залпом «шандарахнули» так, что у всех заложило уши. В помещении с хорошей акустикой этот звук, наверное, многократно бы усилился. Звон в ушах долго не проходил. Не позавидуешь тем, кто к тому моменту задремал.

Поучаствовали и в хозяйственной деятельности. Приобрели опыт в посадке бананов. Приехали на распаханное поле. В бороздах нужно было выдолбить через определённый интервал лунки, в которые вертикально устанавливались черенки. Вооружившись мотыгами, с энтузиазмом принялись за дело. Для нас это было экзотикой. Каждый хотел оставить это в памяти. Потому процесс выглядел довольно странным. То один, то другой, каждый в своей борозде, вдруг замирал с поднятой над головой мотыгой, как в стоп-кадре, в ожидании вспышки фотоаппарата.

Кубинцы от души потешались над нами.

Однажды пригласили добровольцев на субботник. Записались все. Подходит ко мне Владимир Савергин и предлагает подменить его на вахте. Под предлогом, будто бы я, увлекаюсь спортом, равнодушен к алкоголю. Умеет же мотивированно сформулировать просьбу! Ну как такому откажешь.

Утром автобус увозит бригаду энтузиастов на строительство колледжа. Уезжали все на праздник труда, памятуя о субботниках на родине, которые уже к полудню плавно перетекали в народные гулянья. На это и настраивались. Но как говорят: - «Хочешь рассмешить бога, расскажи о своих планах».

У Фиделя субботник - это трудовой подвиг. Поэтому в обеденное меню кубинский ром включён не был. Пришлось напрягаться до вечера. Вернулись наши стахановцы все в цементе, едва переставляя ноги, но не уронившие достоинства.

А Владимиру на следующий день пришлось заступить ещё и на вахту.

Был комедийный случай, когда невозможно понять, кто кого разыграл.

Два часа ночи. В каюту к доктору является Валера. Жалуясь, что не может уснуть, он просит снотворное. Доктор, раздосадованный тем, что прервали его сон, быстро выдаёт лекарство и прощается с «неурочным» пациентом.

Утром на работу в лабораторию Валерий не явился. Как дежурный, отправляюсь за ним. Захожу в каюту, вижу - спит. С трудом растолкав его ото сна, жду, пока оденется. Вместе приходим на работу.

Вдруг с грохотом и криком: - Где Валера? по трапу сбегает доктор. Игнорируя существующие правила входа в лабораторию, и не обращая ни на кого внимания, отыскав Валеру, который сидел в кресле, мало что, воспринимая, он бережно берёт его под руку и уводит с собой.

Выясняется следующее. Проснувшись утром, доктор вспомнил ночной визит. Вспомнил и то, что снотворное у него не в таблетках, а в порошке. И порошка там было десять доз, которые наш Валера употребил единовременно. Это повергло доктора в ужас. Обрадовавшись, что пациент ещё жив, он лично охранял его длительный сон. А наш пострадавший, как «спящая красавица», ещё долго наслаждался сновидениями под присмотром медицины.

Было у Валеры необычное хобби – «коллекционировать личные неприятности».

Из его рассказов выходило, что после всего, что с ним случалось, ему когда-то должно крупно повезти в качестве компенсации за пережитое.

Несколько примеров.

Служа в армии, дежурил он в лесу на радиорелейке, в километре от стрельбища. Забравшись на берёзу, чтобы поправить антенну, он услышал свист пролетающих рядом пуль. На стрельбище его приняли за медведя и стали лупить по нему из автоматов. К счастью остался жив, но страху натерпелся.

Родители решили приобрести дачу. Валера, имея водительские права профессионала, склонил их к покупке автомобиля. Следовало бы учесть что автомобиль - это аппарат сюрпризов, от которого можно ожидать всего, что угодно и в любой момент.

Вспоминается беседа в судовой парилке (сауне).

- Что, волнуетесь за свои машины, которые по полгода ржавеют в ваших гаражах?

Начал разговор третий механик, снисходительно улыбаясь.

- Тебе что за радость?

- Для меня такой проблемы нет. У моей машины корпус из пластика. Не ржавеет!

В следующем рейсе, когда начинали разговор об автомобилях, лицо механика заметно грустнело. С приходом домой, открыв гараж, он увидел, что нержавеющей корпус обгрызли крысы.

После приобретения своей мечты у Валеры возникает проблема с гаражом. Это заставило обратиться за помощью к знакомым, которые позволили временно поставить новенькие Жигули около их подъезда. Через несколько дней ему

сообщили, что на крыше дома скопилось много снега, что угрожает обвалом на машину и её следует отогнать. Приехал исправлять ситуацию. Когда автомобиль находился уже в пределах видимости, лавина снега, на его глазах, полетела прямо на крышу и продавила её.

Так случилось, что свою мечту Валера обкатывал по дороге на «СТО». Пришло время собираться в рейс. Начались хлопоты перед уходом. Объяснив, что авто ему не к сроку, он оставляет его на станции, а сам собирается в экспедицию.

Перед отходом его посылают на соседнее судно за ЗИПом. Валера вернулся только к вечеру и в гипсе. Умудрился на причале попасть под машину и сломать руку. Доктор взял его под личную ответственность.

По приходу из рейса торопится за своим сокровищем. Выехав за проходную станции техобслуживания, машина заглохла. Оказалось, что всё это время ею пользовались как «складом запчастей». Кое-как удалось завезти двигатель. На перекрёстке остановился на красный свет светофора. Неожиданно сильный удар сзади от бензовоза с пьяным водителем выталкивает автомобиль на проспект, где он тут же получает контрольный удар в борт от Волги.

Обрадованный тем, что ещё жив, Валерий снова пополнил многочисленные ряды пешеходов. А его автомобиль с минимальным пробегом прошёл путь от конвейера до свалки.

С дачей было бы как-то спокойнее.

Это далеко не последняя история. Но «вишенкой на торте» - его признание в том, что жена назначала ему свидания только по четвергам.

Поздравили со здоровым образом жизни.

Вспомнился случай, когда моряки стали жертвами розыгрыша предмета неодушевлённого.

Экипаж решил провести учения. Замысел был такой - в заданных координатах нужно было провести спасательную операцию. Для этой цели моряки сколотили большой деревянный ящик, который должен имитировать шлюпку и смайнав его за борт, ушли в точку работы. Отработав, вернулись назад. Ящика в расчётных координатах не оказалось. Взяв поправку на течение и ветер, расширили круг поисков. Но вмешавшаяся непогода вынудила свернуть мероприятие. Получив добро на заход в Монтевидео, стало вообще не до ящика. После захода идём обратно в точку работы.

Вдруг с мостика, в бинокль, прямо по курсу, разглядели какой-то предмет, который вначале идентифицировали как рубку подводной лодки. Как же мы были удивлены, когда приблизившись, вместо подлодки распознали, сразу ставший нам таким родным, наш ящик. Это прямо какая-то «Курская аномалия». В огромном океане по прошествии длительного времени, вдруг можно встретиться с творением собственных рук! Это уже не ящик, а сплошная нано-технология, да и только.

Выходит он вначале так от нас спрятался, что мы не могли его отыскать, а потом сам же нас нашёл. Что тут скажешь?

Встреча на НИС «Невель» Фото – Анатолия Пронина

13. Моряки и таможня - вечные антагонисты. Таможня отстаивает интересы государства, не забывая о собственных, а моряки личные, стараясь эффективнее использовать свои командировочные, не нарушая закон. Таможня создаёт проблемы для моряков, не совсем корректно, часто меняя правила. Моряки, по возможности, отвечают тем же.

Боцман Фёдорович, уже в предпенсионном возрасте, всю жизнь посвятивший флоту, рассказывал много интересного. Он помнил ещё те времена, когда юнгой ходил на пароходе. В обязанности кочегаров входило периодически ворошить уголь, чтобы он не слёживался, тем самым не допуская самовозгорания.

Заходя в родной порт, перед досмотром, кочегар разливал на кучу угля флакон духов и уходил. Таможенник, зайдя в кочегарку, почувствовал аромат, который никак не соответствовал обстановке. Сделав вывод, что он на пути к «контрабанде», таможенник брал лопату и энергично ворошил груды угля, в надежде отличиться на служебном поприще, тем самым сильно облегчая дальнейшую работу кочегарам.

Один старший матрос захотел провезти в страну попугая без предъявления

таможне. Решив избежать формальностей, связанных со справкой от санэпиднадзора, задумал сделать это нелегально. Попугай птица беспокойная. И вот чтобы на время досмотра он вёл себя тихо, придумал такой беспроектный изуверский план. За недели до прихода домой, наш любитель пернатых, входя в свою каюту, регулярно и громко произносил:

- Таможня!

Затем брал полотенце и нещадно гонял им своего любимца по каюте, пока тот не забивался в угол или замирал, проклиная свою судьбу и своего хозяина. Уроки не прошли даром. Пришли в порт. По громкой связи прозвучало объявление:

- Начинает работу ТАМОЖНЯ! Всем находиться на своих каютах и рабочих местах!

Попугай проявил внимание только к одному слову объявления – «таможня»!

Войдя в каюту после таможенного досмотра, моряк птицы не обнаружил. Искал её долго и после. Ещё бы! Иллюминатор задраен, дверь была закрыта, чудес не бывает. После тотального поиска, наконец, нашёл. Откинув матрац, увидел беднягу, висевшего, намертво вцепившись когтями в панцирную сетку кровати.

Хотелось бы верить, что впоследствии этого случая они подружились.

14. Рыбалка не последнее занятие на судне. Ею, с разной степенью азарта, занимались многие. Были и такие любители, которые отдавали предпочтение порыбачить увольнению в порту. Мне этого не понять.

Для рыболовов иногда устраивались даже соревнования. В одном из них довелось поучаствовать. Стояли на банке Дэвиса в Атлантике. Это самое подходящее место для такого мероприятия.

Забросил снасть с тремя крючками. Поклёвки долго ждать не пришлось. Выбрав удочку, наживки не обнаружил. Не обнаружил и двух крючков. Причём они не просто отсутствовали, а были перекушены пополам, как будто кто-то на дне специально сидел с пассатижами, дожидаясь, когда я заброшу снасть. Решив, что это не мой день, снялся с соревнования.

Для оперативности результаты оценивались не по весу, а по хвостам. Весь улов сразу отправляли к шеф-повару, где на пределе работал весь личный состав камбуза. На промежуточном этапе всю рыбу осматривал штурман, который ходил по палубе со справочником по ихтиологии. Он определял, какая из рыб съедобна, а какая нет.

Чтобы оценить результативность, для примера, мастер вставал утром в пять часов и до завтрака успевал наловить две бочки отборных карасей. Первый помощник серьёзно увлекался кальмарами и с приходом домой, как «Дед Мороз» с мешком подарков, радовал своих товарищей и близких целым мешком закуски к пиву.

Боцман использовал рыбалку в целях воспитания. Держать каюту с открытым иллюминатором в тропиках не полагалось. Кто нарушал это правило, попадали под

боцманские санкции. Ночью, подцепив кальмара на удочку, прежде чем вытащить улов на палубу, подносил его к распаханному иллюминатору и тот, реагируя на свет, плевался "чернилами" в каюту. О последствиях умолчу.

На корме токарь из двух бочек соорудил коптильню и к чаю подавали с пылу, с

НИС «Ристна» Рыбалка Фото – Леонида Любимова

жару, только что выловленную рыбу. Так что наши организмы недостатка в фосфоре не испытывали. Разве что только не светились.

Ночью поверхность воды вокруг дрейфующего судна электрическими люстрами-фонарями и вся живность окрест собиралась у бортов. Здесь можно было увидеть и поймать плоскотелую макрель, которая, как и кальмары, гоняется за летучими

рыбками, летящими на свет наших люстр у борта. Или барракуду, стоящую неподвижно в засаде у кромки тени от борта, чтобы при удобном случае стремительной молнией поразить свою жертву.

Тут же медлительная рыба-ёж закусывает планктоном, периодически раздуваясь и ощетинаясь иглами, чтобы самой не оказаться добычей в чьей-то пасти. Где-то тенью мелькнёт акула, привлекаемая к стаям охотящихся друг за другом рыб. И этот хоровод неумоимо кружится вокруг подсвеченного судна, где каждый участвовавший в нём, должен постоянно отстаивать своё право на жизнь.

«Ристна» Михаил Буров верхом на акуле-молоте. Фото – А. Капитанова

Был и такой удивительный способ рыбалки. Однажды заметили, что поплавок акулей снасти, а он представлял собой полый стеклянный шар, помещённый в сетку, поменял свой цвет и стал жёлтым как куст облепихи. Подтащив ближе, увидели, что он сплошь покрыт икрой, которая гроздьями свисала со всех сторон. И вскоре судно оказалось в середине большого косяка летучек, которые энергично тёрлись о борта, стараясь избавиться от икры. Их было так много, что был приспущен трап, и мы прямо руками брали из воды живую, скользкую рыбку похожую на сельдь, только с крылышками. Здесь поясню, в отличие от сельди и скумбрии вкус летучки рыболовов не привлекает, т.к. летучка относится к видам

тропических рыб, а они на вкус все слишком постные.

Как-то рыболовам с «Ристны» неожиданно довелось почувствовать себя пиратами. Судно зацепило носом переи́т неизвестного судна-тунцелова. Заведя переи́т на шпиль, несколько часов выбирали переи́т, снимали зацепившихся на крючки тунцов, но попадались и небольшие акулы и даже глубоководные зубастые алепизавры.

Алепизавр с изумрудными глазами. Фото – Анатолия Капитанова

Случались и курьёзы. Один из рыбаков, стоящий на левом борту, предвкушая крупную добычу, попросил о помощи. И вот уже двое не могут справиться с подъёмом улова. Вдруг оживился и правый борт. Там тоже клевало что-то крупное. Две команды азартно состязались, кто первым увидит свой трофей. Приз достался команде правого борта. Подтащив к поверхности, они обнаружили клубок перепутанных снастей с обоих бортов. Две команды долго и азартно состязались как бы в перетягивании каната. Собственные снасти они распутали не сразу.

Любителей порыбачить хватает везде. Однажды в Южной Атлантике наблюдали такую сцену. У борта выныривает симпатичная мордашка с усами. Эксперты установили, что это морской лев. У него в зубах пойманная рыбёшка. Энергично взмахнув головой, он подбрасывает вверх свою добычу, да так ловко, что

развернувшись в воздухе, она вскоре исчезает в открытой пасти.

Котик, вынырнув в очередной раз, с новой трепещущейся в пасти рыбёшкой, снова проделывает отработанный трюк. Но пролетающий над ним альбатрос на лету перехватывает его добычу и счастливый от удачи, воспарил прочь. Котик какое-то время ждал с открытой пастью возвращения своего улова. Не дождавшись, удивлённо покрутил головой во все стороны и громко взревел. Этот рёв был такой жалостливый, будто плач обиженного ребёнка. Мы посочувствовали бедняге, но компенсировать его потерю нам было нечем. Замолчав, он нырнул. Обиженного на нас или альбатроса, мы больше не видели.

Морской лев у борта Фото – В.валерия Тененики

С этой птицей связана своя история.

Как-то раз этот «коронованный властитель неба» спланировал прямо на крышку трюма. Сложив свои мощные крылья, он стоял спокойно, ни на что не реагируя. В его осанке чувствовалось достоинство. Многим захотелось ближе познакомиться с вольной величественной птицей. Организовали фотосессию. Нашлись и те, кто не прочь даже взять автограф. Удалось это сделать только шеф-повару. Прибежав прямо с камбуза, и объяснив, что очень торопится, подошёл к красавцу южных широт и панибратски, взяв его за шею, неосторожно повернул её в свою сторону. Такой фамильярности птица не стерпела. Резкий кивок головой и палец шефа обагрился кровью. Рана оказалась серьёзной, достаточно представить огромный

заострённый клюв птицы, который надолго лишил возможности повара правой рукой управляться на камбузе. Обмотав палец фартуком, повар с воплями побежал на рабочее место, обещая, что вернётся и накажет обидчика. Подумали: пока не оциплет, не успокоится. По интонации поняли, может. Хорошо, что дикая птица в глаз его не клюнула. Решили спасти нашего гостя. Но с твёрдой поверхности взлетать альбатросу невозможно. По воде перед взлётом он разбегается как лебедь. Потому пришлось аккуратно перенести его на край борта. Затем легонько подтолкнули и он, расправив крылья, оказался в родной стихии. Взмыв к небу, как будто в благодарность спасителям, сделал вираж над нашим «айсбергом» и полетел к горизонту. Зачислить его в состав экипажа не удалось.

С альбатросом Фото – Сергея Бабанова

15. Если смотреть на море с берега, воображение начнёт рисовать картинки путешествий к далёким странам и связанных с этим приключений. Тут и Жюль Верн и Фенимор Купер и Джек Лондон. Наверное, это и есть та романтика моря, о которой многие мечтали в юности?

При пересечении в океане условной линии экватора, на судах устраивают традиционный **праздник, перехода экватора** с участием морского царя Нептуна. Нептун и свита, в которую входят русалка, доктор, звездочёт, виночерпий, пираты

и черти, которых с большим вдохновением играют бывалые моряки, что придаёт этому празднику особую значимость. Такой спектакль в море оставляет неизгладимые впечатления, как на участников этого действия, так и на посвящаемых в моряки новичков коллектива. Бывает, такой внезапный самодеятельный праздник возникает внезапно после месяцев напряжённой работы в океане и это снимает накопившиеся стрессы в момент, когда жизнь в длительном рейсе становится монотонной и обыденной. После длительной болтанки посреди океана мечтаешь постоять на твёрдой земле, мысли всё больше будоражат земные дела, и начинаешь ждать попутного ветра к родным берегам.

**Нептун прибыл на НИС «Ристна», доклад капитана.
В роли пирата Алексей Агунов. Фото – Анатолия Капитанова**

Человеку, адаптированному к твёрдой земле, как аккумулятору необходима подзарядка и он её получает с поступлением долгожданной телеграммы, сопровождаемой тремя продолжительными гудками судна, знаменующими окончание экспедиционных работ и возвращение к родным берегам. И, хотя до прихода в порт приписки ещё остаётся несколько недель хода, всеобщее ликование по этому поводу переполняет несравненной радостью души моряков.

Текст редактировали: Анатолий Капитанов и Елена Олюнина, апрель 2020 г.

СТИХОТВОРЕНИЯ АЛЕКСЕЯ АГУПОВА

(редакция Вячеслав Бугаев)

Годы пролетели... Разве мало
В жизни черно - белого сплелось?
Радуюсь тому, что солнце встало,
Не грущу я, что не всё сбылось.

Вот стою в раздумье у причала,
Вспомнил, был какой я молодец...
Я не знаю, что всему начало,
Знаю только, где всему конец.

Годы! Вы промчались облаками,
Унесли в неведомую даль.
Я б теперь отправился за вами,
Но пути нет в прошлое, а жаль.

Март опять на дворе.
Вот и солнце вернулось.
О прошедшей зиме
Мне немного взгрустнулось.

Там зелёная ель -
Эталон постоянства,
Но всё звонче капель
Оглашает пространство.

Торжествует весна.
Март всем радость озвучит,
Призывая меня
Жить, пока не наскучит.

Я расскажу, что ты прекрасна,
Как утро праздничного дня,
Как недосказанная сказка,
Как пламя вечного огня.

Ты есть природы вдохновенье,
Как море, звёзды и цветы,
А на планете, нет сомненья,
Знай, после Бога - только Ты!

Нас венчала тишина под ясным небом,
И от радости кружилась голова.
Пахло летом, пахло мёдом, пахло хлебом,
И ласкала нас прохладною трава.

Как по-детски, беспричинно мы смеялись,
Были счастьем переполнены сердца,
Говорили мало, больше целовались,
Нам казалось, этой сказке нет конца.

В эту пору коротки бывают ночи.
Нам об этом возвестили небеса.
Что наступит день, мы верили не очень.
Показалась вдруг слезинками роса.

Расставались мы с тобою на рассвете,
Расставались необычно, навсегда.
То, чего дороже нет на свете -
Искру счастья - сохраню я на года.

Не объять, не понять
Исполинскую статью!
Уважаю твой сан,
Океан, океан.

Разорвёшь тишину,
Круто вздыбишь волну...
Неуютен твой дом,
Посейдон, Посейдон.
 Что нас ждёт впереди?
 Слышно сердце в груди.
 Ты не будь слишком строг!
 С нами Бог, с нами Бог.

С восторгом, может быть, с тоскою
Судьба судьбу пересекла
И, окрестив волной морскою,
Нас на скитанья обрекла.

С тех пор с тобой мы неразлучны
Под небом чистым, голубым.
На суше мне без моря скучно.
Теперь не стану уж другим.

Бывают в жизни огорченья,
Подолгу песен не поёшь.
Своим спокойствием, терпеньем
Ты мне примеры подаёшь.

Благодарю за все науки!
Пусть ты гордец и с виду строг.
Ты - радость встречи, боль разлуки,
Ты мне и дом, и мой острог.

Теперь уж оба постарели.
Всему свой срок, всему свой век.
Но в дружбу мы, как прежде, верим.
Ты - теплоход, я – человек.

Сегодня праздник у меня -
иду к тебе на встречу,
А на дворе поёт весна
мне в этот дивный вечер.
И в небе полная луна
горит волшебным светом,
И улыбается она,
и мне сегодня не до сна -
Свист соловьиный где-то.

Туман стелится над рекой
белёсым покрывалом.
Возьмёмся за руки с тобой,
сегодня я и сам не свой -
Нам этой ночи мало.

Мы будем строить храм любви,
покрытый небесами.
Судьба, ты нас благослови
и этот вечер подари,
Пусть будет радость с нами!